

Алексей Кутырёв

ОГНЕННЫЕ ДОРОГИ

Алексей Кутырев
Огненные дороги

«Автор»

2023

Кутырев А. А.

Огненные дороги / А. А. Кутырев — «Автор», 2023

Будучи подростком, я часто бывал в гостях у дедушки Дмитрия Яковлевича Тимофеева и бабушки Веры Петровны. Они жили в поселке Мирный Раменского района, недалеко от станции Бронницы. Я проводил у них практически все выходные и каникулы.

© Кутырев А. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Роман за линией фронта	5
Предисловие	5
Часть 1	6
Часть 2	19
Часть 3	27
Часть 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Кутырев

Огненные дороги

Роман за линией фронта

Роман

Предисловие

Будучи подростком, я часто бывал в гостях у дедушки Дмитрия Яковлевича Тимофеева и бабушки Веры Петровны. Они жили в поселке Мирный Раменского района, недалеко от станции Бронницы. Я проводил у них практически все выходные и каникулы.

Большинство друзей дедушки и бабушки были фронтовиками или тружениками тыла. Жили они в основном в Москве, а в поселок приезжали на свои дачно-садовые участки. Особенно много гостей бывало у нас в мае, ближе к празднику Победы. Приходили не с пустыми руками, нередко с бутылочкой чего-нибудь горячительного.

Дед почти не пил, а после последней госпитализации и вообще перестал, однако компанию всегда поддерживал. Нальет себе рюмочку и делает вид, что выпивает. Друзья не обижались. Они знали, что дед неоднократно был тяжело ранен на фронте, и удивительно, как он вообще остался жив. Дедушка всегда теплым словом вспоминал о фронтовых врачах, которые буквально вытащили его с того света и сложили по кусочкам.

Фронтовики сначала пили за Победу, потом – за погибших друзей, и почти всегда при этом глаза у них становились мокрыми. Они не стеснялись своих слез, а вот о себе рассказывали мало и очень скудно.

Но зато я часто слышал от них о каком-то везучем командире, который за годы войны дослужился от капитана до генерал-лейтенанта. По ложным обвинениям его не раз арестовывали, но всегда отпускали, да еще и награждали. Этот генерал якобы неоднократно встречался с Верховным главнокомандующим Иосифом Виссарионовичем Сталиным и другими членами советского правительства. По рассказам фронтовиков, он командовал соединением Советской армии в тылу врага, на территории, временно оккупированной фашистами, и бил их изо всех сил.

Основываясь на воспоминаниях фронтовиков, в данном произведении я объединил эти рассказы, изменил несколько фамилий, добавил некоторые художественные дополнения. Есть в нем эпизоды военной биографии второго моего деда – Григория Васильевича Воронцова, а также двоюродного дедушки Федора Смолина, прошедшего всю войну и вернувшегося в апреле 1945 года без ноги, и еще одного двоюродного деда Михаила Завалова, командира партизанского отряда.

Часть 1

Было отличное субботнее утро. Я – выпускник академии пограничных войск при Министерстве внутренних дел СССР. Учиться там меня направили сразу после финской кампании, и год учебы пролетел как один день.

Сегодня, 1 июня 1941 года, я должен получить диплом об окончании академических курсов. Начальник академии шепнул своим помощникам, что меня ждет приятный сюрприз. Эту новость тут же передали мне. Также от своих друзей в руководстве учебного заведения я узнал о том, что нас всех распределят по пограничным отрядам и повысят в звании. Наконец-то получу капитана.

В армии я с 1930 года. Окончил командную школу РККА и получил звание младшего лейтенанта. В 1936 году был переведен на Дальний Восток в пограничные войска. В 1937 году за участие в боевых действиях был награжден орденом Красного Знамени, а в 1939 году – медалью «За отвагу». В том же году, перед самым началом Финской кампании был переведен на финскую границу. Как я уже говорил, после ее окончания, в марте 1940 года, меня направили в Академию пограничных войск.

За участие в финской кампании меня наградили именованным оружием – пистолетом «ТТ». Кроме того, командующий Северным фронтом от себя лично вручил мне новую десятизарядную винтовку СВТ-38 с оптическим прицелом за то, что я «снял» трех «кукушек» из пистолета «ТТ». Кукушками наши бойцы называли финских снайперов, поскольку очень часто они выбирали свои огневые позиции на деревьях.

Говорили, что на меня послали документы на награждение орденом Красной звезды, но пока я ничего не получил. За ордена и медали положены денежные выплаты. Красное знамя – 500 рублей, Красная звезда 400 рублей, медаль «За отвагу» – 400 рублей. Мне, как студенту, деньги очень быгодились.

За время этой войны вместе со своими красноармейцами я совершил несколько удачных вылазок в тыл к финнам. Мне посчастливилось служить с командирами Красной армии, которые воевали еще в Первую мировую войну. Один из них, командир первого батальона майор Заикин, научил меня стрелять без промаха. Он сам из любого вида оружия стрелял, как сам Ворошилов, а может и лучше, и передал свое искусство мне.

Еще один опытный командир, начальник штаба полка майор Кушнарев, научил меня стрелять «по-македонски», с двух рук. Кроме того, еще они научили меня «качать маятник», метать ножи и сюрикены. Сюрикен – это такая звездочка с заостренными краями, оружие японских ниндзя. Их я привез с Дальнего Востока, где купил на границе у китайских лавочников.

В общем, эти два майора занимались мной, словно готовили для заброски в тыл противника. Семей у обоих не было, зато имелось полно времени, чтобы гонять меня, как новобранца, хотя я был уже старшим лейтенантом и командовал ротой. Тем не менее, я им очень благодарен за науку и особенно за приемы рукопашного боя. Во время войны с финнами мне оченьгодились все знания, полученные от моих наставников. В то время мне казалось, что следующего военного конфликта ждать придется долго. Слишком много крови принесла эта так называемая финская компания.

В марте 1940 года, возвращаясь в Москву на поезде, я познакомился с девушкой – Верой Барановой. Вместе мы провели два дня в дороге и целый день гуляли по столице. Решили в июне 1941 года расписаться. Именно поэтому после окончания академии, надеясь на положенный мне отпуск, я собирался к Вере в Саратов.

1 июня рано утром я сбегал на Казанский вокзал и купил билет до этого волжского города. Вернувшись в расположение академии, я стал готовиться ко вручению диплома. Дежурный принес почту. Я получил письмо от Веры и очень обрадовался. Однако радость оказалась преж-

девременной. Она сообщила, что в мае вышла замуж и уехала с мужем в Кронштадт. Честно скажу, в тот момент в глазах у меня потемнело. И все же я сумел справиться с нахлынувшими на меня горькими чувствами. Расслабляться было нельзя, вот-вот должна была начаться церемония вручения дипломов.

Нас пригласили в актовЫй зал. Всех выпускников посадили во второй ряд. Началась торжественная часть. Я так крепко задумался о постигшем меня горе, что очнулся только тогда, когда меня толкнули. В зале прозвучало мое имя – Воронцов Алексей Никифорович. Я вскочил и поднялся на сцену. Там среди начальствующего состава академии и руководителей наркомата я увидел народного комиссара внутренних дел СССР, генерального комиссара государственной безопасности Лаврентия Берия. Он протянул мне руку, в которой держал зеленые петлицы со шпалой и диплом об окончании академических курсов.

Лаврентий Павлович сказал, что меня нашли награды за войну с финнами, и вручил орден Красной звезды и медаль «XX лет РККА». Нарком пошутил, что теперь у меня вся грудь в орденах.

– Служу трудовому народу!

– Хорошо служишь, – улыбнулся Берия.

Я поздравил наркома с высоким званием генерального комиссара государственной безопасности СССР (оно соответствовало маршальскому), присвоенного ему не так давно.

Он внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Ну давай, капитан, говори, о чем просить хочешь.

Видимо, просьба была написана у меня на лице. Я попросил разрешения отправиться к месту службы сегодня, без отпуска. Нарком одобрительно кивнул:

– Молодец, будь по-твоему. Будем живы, еще встретимся...

Торжественная часть закончилась. Я не стал ждать окончания концерта и после общей фотографии выпуска с наркомом и руководством академии поехал в общежитие. Дорога была очень долгой и муторной. Приехав на место, я собрал вещи, сдал коменданту комнату и поехал на Белорусский вокзал. Еще в общежитии я пришил на форму капитанские петлицы, привинтил к кителю полученный орден и прикрепил медаль. Получилось очень внушительно.

На вокзале я сдал в кассу билет до Самары, взял до Бреста и уже в шесть часов вечера сидел в купейном вагоне на пути к польской границе. С попутчиками мне повезло. В купе – целый цветник: молодая женщина по имени Лиза, лет 27–28 с дочерью Катей лет 9-ти, ехавшие к мужу в Брест, и стройная блондинка Капитолина, 19 лет, студентка 1-го Медицинского института. Она перешла на 3-й курс и направлялась в гости к тетке под Брест.

Вечернее солнце наполнило купе своим свечением, как будто сотня ярких ламп, разлив свое сияние по вагонам поезда. Мое настроение стало ярким и торжественным. Почему-то хотелось петь и плясать. Немного омрачили его мысли о Вере. Но я для себя решил, что это хорошо, что мы расстались сейчас, а не после того, как на моей груди совьют гнездо измены и предательства.

Я гнал от себя плохие мысли. Тем более, вечер был таким чудесным, а от девушек в купе пахло таким дурманящим женским ароматом, что сносило голову. На груди у меня сияют два боевых ордена и две медали, которые приятно позвякивают. В петлицах золотится шпала. Девушки порхают, кажется, вокруг меня, хотя, конечно, это не так. Но как же все-таки хорошо!

Я вышел в тамбур подышать воздухом. Капитолина увязалась за мной и попросила закурить. Я ответил, что не курю. Она не огорчилась. Скорее всего, ей просто был нужен повод, чтобы постоять вместе. Ехали, болтали, веселились. Я немного флиртовал с Капитолиной. Ночью не спали, разговаривали. Я не только не знал номер своей воинской части, но даже не представлял, где буду служить, поэтому, чтобы не потеряться, я предложил Капитолине подождать меня около комендатуры. Ее должна была встречать тетка, и как там дело повернется дальше, мы не знали.

В десять утра 2 июня поезд прибыл в Брест. Лизу встречал муж – майор интендантской службы. На перроне Капитолину действительно ждала тетка. Мы познакомились, и я предложил поехать дальше вместе. Каким-никаким транспортом меня должны были обеспечить. Тетка, ее звали Дарья, охотно согласилась. Добираться им было очень далеко, а попутка пока не подвернулась.

В комендатуре меня направили к командиру пограничного отряда. Им оказался подполковник пограничных войск Алексей Сергеевич Сергеев. На вид ему было лет 43–45. Среднего спортивного телосложения, рост, на глаз, метр семьдесят пять. Он оглядел меня с ног до головы и предложил присесть. Мы немного поговорили о жизни в Москве. Я рассказал о своей недавней встрече с Лаврентием Павловичем. Сергеев даже сначала как будто и не поверил, но после наводящих вопросов понял, что я говорю правду.

Алексей Сергеевич рассказал, что на границе пахнет войной. По словам перебежчиков, она должна начаться утром 22 июня. Однако говорить вслух об этом не рекомендуется, поскольку у нас с Германией подписан пакт о ненападении. Разговоры о войне считаются провокацией, и за них светит трибунал. А это почти наверняка расстрел. На выстрелы и любые другие провокации с германской стороны приказано не отвечать. Это тоже грозит арестом и военным трибуналом.

Я получил назначение на должность начальника заставы № 41. Застава только строится и защищает значительный участок новой границы. Алексей Сергеевич сообщил, что у моего заместителя по политической части беременная жена, и с 23 июня он будет находиться в отпуске.

– Тебя ждали именно в этот день. А ты, вон, раньше явился, – улыбнулся полковник.

– Так получилось, – развел руками я. – Все проблемы будем решать на месте.

– Добро, – ответил Алексей Сергеевич. – Получишь боеприпасы, пулемет, стройматериалы, две снайперских винтовки и коня. Со строительством заставы не затягивай. Время сейчас беспокойное.

Попрощавшись с командиром погранотряда, я выбежал на улицу. Капитолина и ее тетка стояли рядом с полуторкой, на которой мне предстояло добраться до заставы. Из нее выскочил красноармеец, представился мне и доложил, что коня нам сегодня не получить. Но если завтра мы поедем в Брест, то получим и оружие, и коня, и стройматериалы.

Мы погрузились в машину. Оказалось, что городок, в котором живет тетка Капитолины, находится на тридцать километров дальше, чем моя будущая застава. По дороге мы обменялись адресами. Я вышел первым и попросил водителя отвезти Капитолину и ее тетку до города. Было около двух часов дня, заставу построили по тревоге, мне представился заместитель по политической части политрук Николай Алексеевич Зацепин. Он же и познакомил меня с личным составом.

После выполнения всех положенных по уставу формальностей, я предложил политруку отправиться в отпуск уже завтра. Ехать ему было далеко, к тому же я прибыл на заставу раньше срока. Судя по всему, его жена Валентина, молодая, красивая женщина, лет 25, находится на последних неделях беременности, а рожать все-таки лучше дома, чем в дороге.

На следующее утро я отправил его вместе с женой на автомашине в Брест. С ними поехали старшина заставы и несколько красноармейцев. Они должны были помочь политруку сесть в поезд, а затем получить моего коня, боеприпасы и стройматериалы. В Бресте пока политрук оформлял отпускные документы и покупал билеты на поезд, старшина получил все, что полагается для заставы. Выдали даже больше, чем мы рассчитывали. Сверх ожидаемого мы получили два ручных пулемета, два ящика гранат, две снайперские винтовки. Для прохождения дальнейшей службы на заставе под команду старшины поступили 25 молодых бойцов. Их вместе с оружием, боеприпасами и стройматериалами он отправил на машине на заставу, а сам

остался в Бресте проводить политрука, которому посчастливилось достать билеты на вечерний скорый поезд.

Забегая вперед, хочу сказать, что 21 июня от Зацепина пришла телеграмма, в которой он сообщал, что 19 июня у него родилась дочь, которую назвали Владленой (Владимир Ленин). Выехать назад он должен был 1 июля. Мы были очень рады за политрука и с нетерпением ждали его обратно.

На заставу старшина вернулся верхом на коне, полученном для меня. Черного, как крыло ворона, пятилетка, звали Гнедко. Он был высокий, стройный и имел свой характер. Старшине заставы Ивану Степановичу Кольцову шел 31-й год. Он был очень грамотным и честным военным. При росте 185 см он имел крепко сбитую фигуру и обладал недюжинной силой. Я подозревал, что, несмотря на все навыки, мне было бы тяжело в спарринге с ним.

В отсутствии замполита я надеялся на него, как на своего заместителя. Мы оба оказались лошадиниками и ворошиловскими стрелками. Пока Иван Степанович решал хозяйственные вопросы, я занялся личным составом. Поговорил с красноармейцами, поинтересовался, есть ли у кого какая нужда. Претензий к службе у личного состава не оказалось, но было недовольство поведением немцев. Иногда они стреляли из засады, иногда кричали и ругались, намекая, что нам всем скоро капут.

Я объяснил бойцам задачу по охране границы. Рассказал о важности скорейшей постройки заставы и о необходимости не поддаваться на провокации соседей. По своему учебному плану я разделил пограничников на четыре группы, с каждой из которых проводил занятия по стрельбе, рукопашному бою с холодным оружием, верховой езде и управлению автомобилем. Кроме этого, все красноармейцы изучали пулеметы и учились стрелять из всех видов оружия.

У нас на вооружении находились два станковых пулемета «Максим» и два ручных пулемета Дегтярева. Кстати, очень удобное оружие, в диске которого 47 винтовочных патронов 7,62*54. Правда, после стрельбы вторым диском ствол перегревался, начинал плеваться патронами и его приходилось остужать.

Еще на заставе было два немецких пулемета МГ-34 под винтовочный патрон. У немцев не было крупнокалиберных пулеметов, поэтому они использовали пулеметы с обычным винтовочным патроном.

Перед заставой протекала река Буг, ее середина и служила границей. Слева от его заставы протекал приток Буга – небольшая река Лесная. Под нашей охраной находилось 27 километров границы – примерно 2,5 пограничника на 1 километр. Хорошо, что она проходит по реке, нарушителя видно издалека. Конечно, наш участок границы хорошо бы охранять мощным огнем артиллерии. Но ничего не поделаешь, надо охранять тем, что есть. Стрелять у границы запрещено, поэтому для стрельбища мы облюбовали площадку в овраге в девяти километрах от заставы, куда бегали с полной выкладкой.

Весь транспорт заставы составляла одна пароконная телега, запряженная двумя молодыми кобылками четырехлетками. На ней возили все – и продукты, и почту, и стройматериалы. Еще на одной телеге была установлена бочка для подвоза воды. В нее можно было впрячь одну лошадку. Хотя наша застава и была с двух сторон окружена водой, для умывания, приготовления пищи и других хозяйственных нужд нужен был постоянный подвоз воды.

Еще были три командирских коняги: мой Гнедко, конь замполита Жемчуг и Стриж старшины. Я обратился к начальнику погранотряда с просьбой найти мне какой-нибудь транспорт для обучения личного состава вождению. Он обещал подумать над этим вопросом. Еще я попросил выделить для заставы максимальное количество винтовок с оптическим прицелом, на что получил целую лекцию от Алексея Сергеевича о том, как тяжело сейчас всем заставам. Многие из них не меньше моего нуждаются и в современном оружии, и в транспорте. Тем не менее, мой запрос он все же взял на заметку.

Алексей Сергеевич рассказал мне одну интересную историю. 1 июня со стороны Польши пришел порожний состав. Сельскохозяйственные товары из СССР он доставил в Германию, а затем вернулся назад. Все необходимые документы у него были в полном порядке. Однако в третьем вагоне пограничники обнаружили два мотоцикла с колясками, оснащенные пулеметами, в полной боевой комплектности и готовности. Они имели запасные канистры и рации. Был в вагоне еще один мотоцикл без коляски. Вся техника марки «БМВ».

Состав ушел грузиться в Минск, а мотоциклы Алексей Сергеевич приказал от греха подальше спрятать в лесу под Брестом. Немецкая и польская стороны о пропаже не заявляли.

– Пригодится тебе такая техника? – спросил начальник погранотряда.

– В хозяйстве ничего лишним не будет, – ответил я. – Пришлю старшину и красноармейцев на телеге. Пока они получают оружие и боеприпасы, наступит вечер. В темноте перегоним мотоциклы на заставу.

– Добро.

– А как же все-таки быть с машиной? Может, выделите хотя бы на недельку?

– Ладно. Видно, ты не отстанешь. Получишь ты свою машину. Но чуть позже – ответил Алексей Сергеевич.

Позднее, где-то в конце сентября, недалеко от Смоленска мы встретили поездную бригаду того самого состава. Они рассказали, что 30 мая 1941 года их поезд возвращался из Кенигсберга. Недалеко от польской границы остановились на небольшой станции с высокой платформой. Неожиданно на ней появились три мотоцикла «БМВ» – два с колясками. Третий вагон перед паровозом был открыт, и мотоциклисты заскочили туда.

Затем из вагона выскочили молодые люди в гражданской одежде, закатали дверь и прыгнули в проходящий в сторону города Люблина состав. Через пару минут появились полицейские. Они искали польских повстанцев. Наши железнодорожники указали им в противоположный конец платформы.

Чтобы паровозную бригаду не затаскали по «органам», сообщать о случившемся никому не стали. И если бы не случай – в сентябре нам надо было спрятать от немцев три паровоза и несколько открытых вагонов с железнодорожной техникой, а также разобранный кирпичный завод – мы бы так и никогда и не узнали о том, откуда взялись эти мотоциклы.

Ночью пригнали технику и привезли оружие. Теперь на вооружении заставы стояло 9 винтовок с оптическими прицелами – 5 трехлинеек и 4 – СВТ-38. Я интенсивно стал обучать личный состав стрельбе. Самым метким доверил винтовки с оптикой. Сначала учились без патронов, потом занятия перенесли на полигон, подальше от границы.

Автомашина, которую начальник погранотряда все-таки выделил, и мотоциклы были для нас ценнее золота. Их нужно было беречь. Я предложил заниматься на них, словно на наглядных пособиях. Их разбирали, смазывали машинным маслом, стирали смазку, и снова собирали. Матчасть мои бойцы освоили назубок. Кроме того, 18 пограничников на трех конях и трех лошадках учились кавалерийскому искусству.

Окопы у нас были в полный профиль, но в два ряда. Решили добавить к ним еще 2 ряда. С ходами сообщения и тоже в полный профиль. Ходы сообщения проложили к блиндажу, где располагался мой командный пункт, и к блиндажу для раненых. Жили мы в палатках, деревянными были только три вышки и столовая. Еда готовилась на полевой кухне. Чтобы экономить время для каждого приема пищи, я распорядился готовить одно блюдо. На завтрак и ужин что-то полегче, а на обед – пожирнее и побольше. Чай кипятили в котлах или чайниках.

Работы было полно. Застава не достроена. Подъездные пути и подходы не защищены и не заминированы. Личный состав заставы насчитывал 65 бойцов, 45 из которых молодые, не умевшие даже винтовку держать. Участвовавших в боях – вместе со мной 7 человек.

Если верить перебежчикам с польской стороны, которые почти каждый день приходили на нашу и на соседнюю заставу, война с Германией должна начаться 22 июня. Перебежчиков

мы отправляли в штаб отряда. Оттуда обычно приходила директива: не поддавайтесь на провокацию, войны не будет. А было уже 7 июня 1941 года. Мы работали на износ, а дел как будто становилось только больше. Нам хотелось укрепить заставу как можно надежнее и при этом научить молодое поколение пограничников военному делу.

Но разве 27 километров границы можно удержать таким небольшим числом бойцов? Мы наводумывали всякие ловушки для врага, надеясь, что он попадет на наши хитрости. Тем временем немцы нагнали с каждым днем – бегали голыми вдоль берега и показывали в нашу сторону срамные места, когда застава строилась на проверку, или когда наряды заступали на службу. Орала всякие непристойности, страшно коверкая русские слова. Нам даже пришлось перенести построения подальше от границы, так как немцы стали постреливать в нашу сторону и даже легко ранили в руку рядового Бойченко.

Мой ординарец Жора Якунин как губка впитывал все, чему его учили. Ему недавно исполнился двадцать один год. Парень из сельской глубинки, ростом метр восемьдесят, атлетического телосложения, с темно русыми волосами стремился стать настоящим солдатом.

Наступило 21 июня 1941 года. Немцы совсем обнаглели. Стали стрелять по часовым на вышках. Под огнем мог оказаться любой пограничник, попавший в их поле зрения. Я не выдержал и перед закатом солнца с винтовкой залег у границы. Как только немцы стали стрелять в нашу сторону, прицелился и сделал подряд десять выстрелов. Каждый из них наносил ранение одному из фашистов.

На сопредельной стороне началась паника и суматоха. По нашим окопам открыли пулеметный огонь. Но я ранил и пулеметчика, и его второго номера. Только тогда стрельба со стороны немцев прекратилась.

Из Бреста позвонил начальник погранотряда и очень ругался. Хотя по голосу было понятно, что вся эта строгость показная. Я доложил, что стрельбу по немцам вели местные патриотически настроенные граждане, не желающие терпеть унижение от немцев, которые ранили одного из местных жителей.

– Мне с большим трудом удалось отговорить их от нападения на сопредельную сторону.

Было похоже, что Сергей Алексеевич остался доволен моими объяснениями. Он пожелал мне выдержки, стойкости и удачи в ратном деле.

Не скажу, что личный состав полностью готов к боевым действиям, но сделать мы успели многое. Мои пограничники научились отлично стрелять из всех видов оружия. Ножи бойцы кидают не хуже любого диверсанта. Овладели рукопашным боем, разбираются в технике, умеют управляться с лошадьми. Изучили подрывное дело. Из лучших стрелков я сформировал снайперскую группу в количестве десяти человек. Свою наградную винтовку я отдал ординарцу Жоре Якунину. Из него вышел отличный снайпер. В общем, потрудились мы на славу. Времени вспоминать Капитолину у меня практически не было, хотя иногда она мне снилась.

После стрельбы на границе вечером 21 июня немцы около 8-ми часов выставили на берег реки шесть орудий, на вид, калибром 88 мм. Рядом с пушками они сложили ящики со снарядами. Идея ночью переправиться на польскую сторону и заминировать немецкую батарею мне в голову пришла мгновенно. Тем более, что перебежчики в один голос уверяли, что война начнется именно в 4 утра 22 июня. В двадцать два часа немцы ушли спать. Охранять орудия остались два часовых. Мы осторожно переправились через реку, оглушили солдат и заминировали пушки, поставив таймеры на 03.59.

В три часа ночи я потихоньку поднял весь свободный от наряда личный состав заставы. Нарядам еще раньше был отдан приказ – в случае обнаружения значительных сил противника, перешедших на нашу сторону, огня не открывать, а возвращаться на заставу.

В 3 часа 15 минут я снял бойцов с вышек. Мы рассредоточились в окопах и стали ждать. Через пятнадцать минут небо над нами потемнело и стало черным от армад вражеских самолетов. Они летели ровно, не сбавляя скорости. Мы их явно не интересовали. На провокацию

это было не похоже. Немцы народ экономный и практичный, тратить столько денег на заправку тысячи самолетов, ради мелкой провокации, это вряд ли. Это точно война.

В 3 часа 59 минут на немецкой батарее прогремели взрывы. Это стало неожиданностью для врага. Погибли все шесть расчетов, находящиеся в это время около орудий. Таким образом, хотя бы на какое-то время нам удалось избежать артиллерийского обстрела. После подрыва батареи на немецкой стороне наступила тишина.

Но очень скоро дошла очередь и до нас. В восемь утра по нашим позициям ударила дальнобойная артиллерия. Мы ушли на замаскированную четвертую линию обороны. Артиллерия работала по нашим позициям до двенадцати часов дня с небольшими перерывами. Наши окопы перепахали и смешали с грязью. Связи с погранотрядом и соседней заставой нет. Я послал восстановить ее двух связных на трофейном мотоцикле.

В 12.30 началась атака вражеских сил. Впереди шли три средних французских танка. Два из них сразу же подорвались на заранее установленных нами минах, третий – сполз в противотанковый ров, и пограничники закидали его гранатами. Пехоту мы отсекали пулеметами и метким ружейным огнем. Отбились, уничтожив около шестидесяти фашистов и три танка. Для первой атаки неплохо. Наши потери: трое убитых и пятеро раненых. Разведчики доложили, что правее заставы, в 12-13-ти километрах за поворотом реки Буг, немцы проложили понтонный мост и шпят по нему технику на территорию Советского Союза.

У нас организовалось затишье. Видимо дальнобойная артиллерия снялась, а больше выковырять нас нечем. Мы собрали трофейное оружие, сняли пулеметы с танков. В лесу обнаружили грузовик – французский «Рено» на бензине. Он был немногим больше нашей полуторки. Свою технику, лошадей и телеги мы попрятали по оврагам, туда же отогнали и трофейный грузовик.

В три часа дня началась бомбежка. Я не знаю, сколько было самолетов, но утюжили наши позиции полтора часа, практически сравнив с землей. Половина моего блиндажа была разрушена, чудом остался цел медпункт.

Меня засыпало землей. Хорошо, что это заметил старшина и вовремя откопал меня. Представить мои чувства в тот момент практически невозможно. Во рту был кляп из земли, в носу, в ушах, в глазах – везде земля. Еще несколько минут и я бы задохнулся. После авианалета в строю осталось 35 моих пограничников, еще 20 человек было ранено, из них лишь 9 – более или менее легко.

Мы приготовились к отражению следующей атаки, но немцы как будто о нас забыли. После некоторого размышления я послал две группы бойцов в разведку в две противоположные стороны. Некоторое время спустя вернулся один связной на мотоцикле. Его товарищ погиб. Связной рассказал, что немцы окружили Брестскую крепость и там идет ожесточенная схватка. Других боев он нигде не видел.

Судя по всему, немцы ушли далеко вперед. Вернулась разведка. Удалось узнать, что немцы после бомбежки сильно продвинулись вглубь советской территории, а на место заставы через полчаса придет похоронная команда, так называемые трофейщики. Об этом разведчики узнали, подслушав разговор двух немецких мотоциклистов. Пограничники уничтожили фашистов, а мотоциклы прихватили с собой.

Поскольку, находясь на месте, оказать сопротивление большим силам противника мы не сможем, я принял решение выходить к нашим основным силам. Решив готовиться к эвакуации, я послал шесть пограничников за лошадьми, мотоциклами и автомашиной, а новые мотоциклы мы закидали ветками. Тем временем, бойцы вытащили все, что было припрятано у меня в блиндаже: три кавалерийские шашки, вещмешок с противопехотными гранатами, другой – с «лимонками», еще один – с патронами для «ТТ» и «Нагана».

Кстати, забыл рассказать – когда меня откопали из земли, в правой руке оказался «Наган» без патронов. Откуда он взялся, не знаю. Так что теперь у меня стало два пистолета «ТТ»

с четырьмя запасными обоймами. Кроме этого мое вооружение составили граната на поясе, стандартный штык-нож и финский нож. Револьвер я почистил, зарядил и положил в полевую сумку, добавил туда же пару гранат.

Со стороны Буга послышался гул автомашины. Подъехавшие трофейщики остановились на краю заставы и разбежались по полю боя словно тараканы. Я незаметно подкрался к водителю и, когда он вышел из машины, ударил его ножом в сердце. Оставив его около кабины, я зашел за кузов, куда тащил восемь винтовок немецкий солдат. Ему было тяжело, и он нагнул голову, это помешало ему заметить меня. Его я тоже ударил в сердце. Жора страховал меня с другой стороны машины. Он тоже уже убил одного фашиста, заколов его штыком. Я притаился за кузовом, держа в руках винтовку с примкнутым штыком. Подошли еще два трофейщика. Одного я проткнул штыком, а другого – застрелил.

Пограничники собрали разбросанное оружие. Я приказал раздевать немецких солдат до исподнего и забирать все личные вещи, особенно оружие и боеприпасы. Все это сдавалось старшине, он разберется, что с этим делать. Дело в том, что у нас не ничего, даже пуговиц и ниток с иголками. Немцы снарядами и бомбами все смешали с землей. Я уже не говорю про перочинные ножи, ножницы и бритвы.

У меня сохранился в резерве большой ящик с патронами на двадцать цинков по 1200 штук в каждом. Пока мы бегали по полю и собирали трофеи, ребята уже набили патронами пустые ленты к пулемету Максима и диски к «Дегтяреву». Четыре немецких мотоцикла, снаряженные пулеметами МГ-34, были готовы к бою. Я решил ударить по понтонной переправе.

Шестерых тяжелораненых погрузили на пароконную телегу. Имеющие легкие ранения и ранения средней тяжести разместились вместе со здоровыми бойцами в кузовах автомобиля «Рено» и «Опеле», отбитом у трофейщиков. Кухню подцепили к последнему. На всякий случай взяли с собой телегу с водой, планировался большой поход по открытой местности.

Хочу рассказать, что 20 июня к нам на три дня для планового медицинского осмотра личного состава прислали фельдшера. Когда началась война, и связь с командованием была потеряна, старшина медицинской службы Филипп Евгеньевич Комаров остался с нами и стал лечить раненых. Так, у нас появился грамотный медик. Филиппу Евгеньевичу было 49 лет, и он всю свою жизнь послужил в армии. Он был очень опытным специалистом.

Отправив телеги и автомашины с ранеными в сопровождении трех кавалеристов вперед, мы захоронили геройски погибших бойцов. Кавалерия, как разведка для всего отряда, двигалась несколько впереди. За ней, как приманка, ехала телега с ранеными, прикрывали ее две автомашины, с пулеметами Дегтярева на крышах и пулеметами Максима в кузовах. Проводив колонну, я взял с собой двадцать пограничников, разместил их всех на мотоциклах по четыре-пять человек на каждом, и мы поспешили к месту переправы, где немцы навели понтонный мост.

К нашему приезду переправа оказалась пуста. На нашей стороне у понтонного моста стояли четыре немецких средних танка. Рядом находились их экипажи. Настроение у немцев было приподнятое. Из разговоров я понял, что они ждут отставших. В это время на переправу въехала колонна из четырех автомашин с пушками, которую возглавляли четыре мотоцикла с колясками. Переправа была длиной около шестидесяти метров.

Мы легко уничтожили танкистов ножами. Стали ждать автомашины и мотоциклы с другого берега, разместив по два пулемета с каждой стороны, чтобы их огонь был кинжальным. Снайперы выбили мотоциклистов, пулеметчиков, водителей и старших автомашин. Пулеметчики ударили по кузовам, где находилась пехота. Те, кто успел выпрыгнуть, попали под огонь снайперов. На все про все ушло одиннадцать минут.

Уничтожив вражескую батарею на марше, мы проверили техническое состояние автомашин и пушек. Все находилось в рабочем состоянии. Танки, стоявшие на нашем берегу, тоже были в рабочем состоянии. Я решил дождаться танковой колонны и ударить по ней, когда она

въедет на понтонный мост. Мы разместили с каждой стороны моста по два трофейных танка, вкопав их практически по башни в речной песок.

Использовать в этом бою трофейные орудия я не стал, а оставил их прицепленными к автомашинам. Все равно после двух-трех залпов ответным огнем наши огневые точки разнесут в пыль. Вскоре после того, как к встрече врага все было готово, немецкая танковая колонна вышла на понтонный мост. Я насчитал тридцать бронированных машин. Когда первый танк доехал до нашего берега, на мосту находилось одиннадцать боевых машин. Мы открыли огонь одновременно по голове и хвосту колонны.

Ребята поработали отлично. За девять минут было уничтожено одиннадцать танков на понтоне и еще четыре – на берегу. Мост окутало дымом, на нем, как одиннадцать факелов, горели танки. Но и нам стало жарко – уцелевшие танки открыли огонь по нашим позициям. Мы еле успели унести ноги, как прилетела авиация и целый час утюжила наши бывшие огневые точки. Зато не надо было уничтожать вражеские танки, которые мы использовали для атаки на немецкую колонну.

Я посчитал, что на сегодня мы свою задачу выполнили. Дальше охранять границу не имело смысла. Погибнуть просто так не хотелось, нам еще Родину от врага освободить нужно. Поэтому я принял решение догонять колонну с ранеными. Она не успела далеко уйти, мы быстро нагнали наших товарищей. Мотоциклы я теперь поставил во главе колонны, а четыре отбитых у немцев грузовика с пушками ехали в середине.

Сначала наш путь лежал по лесному массиву, но через семь километров лес кончился. Судя по карте, нам предстояло проехать порядка тридцати километров по открытой местности. Мотоциклы и трофейный «Опель» были оборудованы рациями. Для их использования мы выбрали частоту и канал, которые, как нам казалось, не заняты немцами. На всякий случай придумали код общения: каждый выход в эфир начинался с числа 17. Принимающая сторона должна была начать свою передачу с числа 83. В сумме получалось 100. Пока хоть какая-никакая предосторожность. Эти числа должны были назвать друг другу и командиры групп, чтобы при встрече не перестрелять друг друга.

Нам очень повезло, за время движения по открытой местности нас никто не встретил и не обстрелял. Мы снова въехали в лес. Через некоторое время колонна остановилась. Я прошел вперед, чтобы узнать, в чем дело. Оказывается, дорогу перегородила пароконная телега, на которой лежали шесть мешков пшеницы и столько же овса. Было похоже, что она ехала на мельницу. Под телегой мы обнаружили три трупа – молодой женщины лет двадцати пяти и двоих детей – мальчика лет пяти и девочки лет трех. Предав их тела земле, на табличке, установленной на могиле, мы так и написали: «Женщина с двумя детьми».

Жора проехал вперед и привел двух сбежавших лошадок. Старшина починил упряжь, и телега поехала с нами. Примерно через двадцать пять километров мы выехали на поляну. Нам опять перегородили дорогу телеги. Одна телега – фургон с красным крестом – лежала в овраге, а еще две с продовольствием и боеприпасами валялись перевернутые на дороге. Похоже, что это стало результатом обстрела с немецкого самолета.

Под одной из телег мы обнаружили пограничника, который оборудовал там себе место для стрельбы. Поначалу он принял нас за немцев и едва не открыл огонь. Это и немудрено: техника-то у нас трофейная. Иван Баглий, так звали бойца, рассказал, что днем для наших застав послали помощь: одиннадцать конных пограничников во главе со старшим лейтенантом Евгением Ивановым. Они сопровождали две телеги с боеприпасами, продуктами и фургон для раненых.

Как во время авианалета остался цел сам Иван, непонятно. Он укрылся под телегой, набитой боеприпасами, которая в нескольких местах оказалась прошита пулевыми очередями. Это чудо, что она не взорвалась. Пограничник не знал, что ему делать. Он похоронил всех погибших пограничников и возниц – всего 13 человек.

Еще Иван рассказал, что за это время он собрал всех лошадей: шесть под упряжку и одиннадцать кавалерийских. Еще одна лошадь под седлом сама прибилась к остальным. На наше счастье, лошади не пострадали, и я смог сформировать внушительный конный отряд из пятнадцати всадников.

Упряжки я решил взять с собой, чтобы впоследствии переделать их в боевые тачанки. Мы двигались практически без остановки уже довольно давно, поэтому я дал команду выбрать место для привала. Этим занялась конная разведка. Примерно через час подходящее место на берегу реки было выбрано. Перед самым первым боем нашу кухню мы спрятали. Она не пострадала и всю дорогу ехала за трофейным «Рено». Кулеш я приказал готовить заранее, так что ко времени привала у нас уже был ужин.

Начинало темнеть. Прошли первые сутки войны. За это время мы удалились от границы примерно на пятьдесят километров.

Из леса за рекой вышел старшина-пограничник. Он подошел ко мне и представился. Выяснилось, что его и еще троих пограничников выставили в секрет еще 21 июня и видимо в суматохе первого военного дня забыли про них. Я посчитал возможным снять их с поста и присоединить к своей команде. Очень кстати у них оказался пулемет Максима.

Я знал, что в трехстах километрах от того места, где мы сейчас находились, в лесу расположена охотничья база. Там бьет целебный родник и есть целебная грязь. Мне же надо срочно подлечить раненых, иначе они умрут, и никакой чудо-фельдшер не поможет. Исходя из этих соображений, я решил разделить свой отряд. Обоз с ранеными под охраной пятнадцати красноармейцев я отправил к этой охотничьей базе. С остальными бойцами на восьми трофейных мотоциклах направился через болото к нашему аэродрому. На них разместилось восемь мотоциклистов, восемь пулеметчиков и восемь снайперов. Конечно силы небольшие, но у меня и пулеметчики стреляют по-снайперски.

До войны неподалеку от аэродрома стоял артиллерийский полк. В восемь часов утра мы выехали на грунтовую дорогу. Огляделись. Впереди, в полукилометре от нас, под охраной шести немецких автоматчиков стояла группа из пятнадцати красноармейцев. Рядом с ними стояли три мотоцикла с колясками, в каждой из которых сидел пулеметчик. Уничтожить фашистов надо было, не обнаруживая себя, поскольку наверняка где-то рядом находились их основные силы.

В ножи взять не получится. Дорога просматривается во все стороны. Стрелять все же придется. Немцы не обратили внимания на наши мотоциклы, приняв за своих, за что и поплатились. Мои снайперы расстреляли фашистов с расстояния в сто метров.

Пленные красноармейцы оказались из роты охраны авиаполка. Я спросил, кто из них умеет управлять автомашинами и мотоциклами. Выяснилось, что трое могут ездить на авто, четверо – на мотоциклах, а еще четверо умеют обращаться с трофейным немецким пулеметом. Я усадил их на отбитые у фашистов мотоциклы и приказал ехать за нами, держась на расстоянии примерно километр от нашей последней машины.

Часам к десяти мы были на месте. В бинокль я увидел, что километрах в трех от нас стоят три немецкие автомашины, три мотоцикла и большая группа пленных красноармейцев. Мы накинули на себя немецкие форму и каски. Поехали к ним по прямой, не таясь. При приближении стало понятно, что человек семьдесят наших красноармейцев окружены неплотным кольцом немцев. Главные силы фашистов – около шестидесяти солдат – находятся чуть в стороне и фотографируются.

Немецкие автоматы прицельно бьют на расстояние не более ста метров. Принимаю решение атаковать врага на этой дистанции. Приблизившись к врагу, открываем огонь на поражение. Снайперы снимают охрану пленных красноармейцев. Подъезжаем вплотную и пулеметным и автоматным огнем добиваем врага.

Наши все целы, есть только несколько легко раненых. Я послал Жору собрать фотоаппаратуру, чтобы сделать несколько снимков поверженного врага. У немцев обнаружилось два хороших фотоаппарата и кинокамера. Кроме того, мои бойцы обнаружили два ранца с химикатами и инструментами к фото- и киноаппаратуре.

Я построил освобожденных нами красноармейцев в шеренгу. Почти все они были с ремнями и в форме. У некоторых было оружие. Немцы даже не удосужились всех разоружить. Видимо, они считали, что такой «сильной» армии никто не осмелится оказать сопротивление.

Выяснилось, что мы освободили из плена семьдесят пять бойцов и командиров и двенадцать гражданских лиц, в числе которых одиннадцать женщин и ребенок. Каким же было мое удивление, когда среди гражданских я увидел Лизу с дочерью Катей – моих попутчиц по брестскому поезду. Среди освобожденных командиров оказался ее муж – майор-интендант. Я предложил ему стать моим заместителем по тыловому обеспечению. Он согласился.

Позднее, когда нашлось время, я поговорил с Лизой о Капитолине. Она рассказала, что в последний раз видела ее 20 июня в Бресте. Она ехала на экскурсию в Минск. Больше они не встречались.

Десять девушек, девятнадцатилетних комсомолок, студенток третьего курса Московского областного педагогического института попросили зачислить их в отряд. Семь из них окончили школу снайперов при ОСОАВИАХИМе, а три – курсы радисток. Это были ценные военные специальности, и я не стал возражать. Лизе я предложил должность старшей повара, она рассмеялась и согласилась.

Среди освобожденных красноармейцев оказалось 19 артиллеристов – один капитан, один лейтенант, два старшины и семь сержантов. Капитану Игнатию Валерьевичу Сарычеву, подтянутому, с виду угрюмому человеку лет 30-ти, я поручил проверить территорию полка на предмет наличия исправных орудий и автомашин. В нашем отряде он стал начальником артиллерии.

Нашлись в строю и летчики: четыре лейтенанта и капитан, начальник штаба авиационного полка капитан Левин. Семерым авиационным техникам-механикам я поручил наладить две автомашины ЗИС, которые мы обнаружили за развалинами казарм, и две полторки, стоявшие в кювете за штабом.

Сарычев нашел целый арсенал: три орудия калибром 76 мм со снарядами по тридцать штук на каждую, две пушки калибром 45 мм и 200 снарядов к ним. Целой оказалась также зенитная пушка калибром 110 мм, которая стояла здесь же, впереди немецких автомашин, с пятьюдесятью разбросанными рядом снарядами.

Три пушки калибром 76 мм подцепили к немецким автомашинам «Опель». Техник-механик Тихонович, мужик лет пятидесяти, весь седой и, как выяснилось, с золотыми руками и огромным сердцем, починил две брошенные автомашины ЗИС-5 и одну «полторку». Вторая машина ремонту уже не подлежала.

Он же нашел полную бочку бензина, которым заправили всю нашу подходящую технику. Подцепили к ЗИСам зенитную пушку и одну сорокапятку, а вторую сорокапятку – к «полторке». Среди освобожденных из плена оказалось два политработника: старший политрук Иван Николаевич Грачев и младший политрук Федор Дергач. Последнему я приказал Жоре передать фотоаппаратуру. Грачев стал моим заместителем по политической части.

Начальником особого отдела я назначил капитана Александра Николаевича Королева. Этого пограничника с эмблемой следователя я заметил сразу. Ему было около сорока лет. Он имел рост выше среднего и спортивное телосложение. Такого трудно не заметить.

Я поручил ему проверку всего личного состава. Потом приватно поговорил с замполитом и попросил, чтобы он повнимательнее присмотрелся к капитану. Что поделать, его тоже не мешало проверить – время военное.

Ко мне подошел майор-интендант Николай Иванович Широков, симпатичный мужчина лет 35-ти, высокий и статный. Он сообщил, что в семнадцати километрах от места, где мы сейчас находимся, есть гарнизонный склад НЗ. С 15 июня склад стал пополняться. На него начали завозить обмундирование, оружие и боеприпасы.

Я решил проверить эту информацию. Совершать марш пришлось по открытой местности. Примерно через семь километров наткнулись на «полуторку», стоявшую под одиноким деревом. Тихонович проверил ее техническое состояние. Машина оказалась исправной, вот только топливный бак был пуст. «Полуторку» заправили бензином из наших запасов.

Вдруг откуда-то появились двенадцать пограничников и водитель. Это оказались ребята с соседней заставы № 42. Командовал группой рядовой Мазаев. Выяснилось, бойцы ходили на поиски бензина. Решили взять их с собой. Я назначил рядового Мазаева командиром взвода, выделив под его команду еще пять человек.

К машине Мазаева мы прицепили пушку 45-го калибра. По моему приказу начальник артиллерии Сарычев так распределил своих людей, что в кузове каждой машины с пушкой находились командир орудия, наводчик и запас снарядов. Наш отряд превратился в роту, усиленную артиллерией и мотоциклами.

Подъехав к лесочку, за которым находился нужный нам склад, я увидел, что совсем неподалеку гуляют кони. Красноармейцы окружили лес и выловили 18 лошадей, часть из них под седлом. На складе возникла проблема. Старшина, начальник караула, не хотел нас пускать. В качестве аргумента он выставил дюжину своих красноармейцев с примкнутыми штыками. Мне и интенданту пришлось разговаривать с ним, стоя у забора из колючей проволоки, которым был окружен склад.

Я старался объяснить ему, что идет война, и самое время воспользоваться содержимым складов, чтобы бить врага. Все было бесполезно, он уперся, как баран. Пришлось пригрозить старшине трибуналом, а его бойцам – расстрелом на месте за саботаж в военное время. Лишь после этого он, подумав пару минут, пошел открывать склады.

На первом складе обнаружилась форма на пятьсот красноармейцев и пятьдесят комплектов командирского обмундирования. Нашлись даже валенки и тулупы. Все это, а также триста бурок, сто седел и сто кавалерийских шашек мы погрузили на автомашину ЗИС-5. Оружие – пулемет Максима в смазке, пять ящиков автоматических винтовок СВТ-38 с оптическим прицелом, в каждом ящике по 12 штук, уместилось в «Опеле».

В соседнем ангаре стоял груженный продуктами еще один ЗИС-5 с прицепленной к нему полевой кухней. Третий ЗИС-5 был нагружен снарядами к пушке 76-го калибра. Само орудие было прицеплено сзади. В последний ЗИС были загружены ГСМ в бочках и запасные канистры. Две оставшиеся бочки я приказал водителям разлить по бакам и канистрам.

Пополнив свои запасы, наш отряд двинулся дальше. На пути снова встретился небольшой лесок. В нем опять встретили лошадок, поймали еще семь. Выделил двадцать пять бойцов и посадил их в седло. Командиром эскадрона назначил старшину Николая Горелова из пограничников. Ехать по открытой местности нужно было еще около 15 километров. Я опасался, что наша внушительная колонна привлечет внимание немецкой авиации, поэтому конницу, дав Горелову карту и обговорив с ним место будущей встречи, я отправил вперед. За конницей последовали двенадцать мотоциклистов. Последними в путь отправились десять автомашин, восемь из них – с пушками и полевой кухней. Часы показывали 16.00. Шел второй день войны, и никому не дано было знать, сколько еще смертей и слез ждет впереди.

Вернулся связной из разведки и доложил, что впереди находится немецкая колонна в составе 12-ти танков, двух бронетранспортеров, десяти автомашин с пехотой. Колонну сопровождают три мотоцикла. Мост через реку взорван, и немцы ищут переправу. Наши разведчики знали, что приблизительно в километре находится брод, а это значит, что рано или поздно найдут его и немцы. Я решил опередить их и устроить засаду за рекой.

Подходящее место для этой цели нашлось недалеко от переправы. Справа – небольшая насыпь высотой метра полтора-два, слева – молодой, довольно густой смешанный лес. Разместил в нем нашу артиллерию. Орудийные расчеты были только-только сформированы и рассчитывать на их слаженную работу было сложно. Тем не менее, я надеялся на лучшее, ведь все артиллеристы были из одного полка, да и опыт капитана Сарычева и его командиров был соответствующий.

Собрав всех, я предупредил, что у них по одному снаряду на один танк. Сарычев получил приказ одновременно вести огонь по головным и замыкающим колонну танкам, чтобы лишить немцев возможности для маневра. После поражения задних танков два орудия должны будут перенести огонь на автомашины.

Дав задание артиллеристам, я вызвал к себе остальных командиров, чтобы составить план боя. Одну снайперскую группу, в составе шести человек, я расположил на косогоре. Остальные снайперы и ворошиловские стрелки под руководством старшины Сергея Кольцова распределились вдоль лесочка. В их задачу входило уничтожение водителей и офицеров в кабинках автомашин. Пулеметчики на мотоциклах должны были поражать огнем выпрыгивающих из кузовов пехотинцев. Я взял на себя мотоциклистов, которые по данным разведки должны двигаться впереди колонны.

Ждать немцев пришлось недолго, но нам хватило этого времени, чтобы как следует подготовиться к встрече. В ожидании противника я стоял за деревом у дороги, сжимая в каждой руке по пистолету. Как только возглавляющие фашистскую колонну мотоциклисты оказались в пяти метрах от меня, я вышел из-за дерева и открыл огонь с двух рук. Все шесть выстрелов оказались точными. Мотоциклы остановились. Жора с девушками перестреляли немцев в двух бронетранспортерах. Тут же прозвучали два залпа артиллерии. Заработали пулеметы. Бой закончился быстро. Немцы просто не успели оказать серьезного сопротивления. Живым не ушел никто.

Я приказал собрать оружие и личные вещи. На ходу остались оба бронетранспортера и семь автомашин. Поврежденный транспорт механики быстро разобрали на запчасти. Колеса, карбюраторы, системы охлаждения, аккумуляторы, свечи, распределительный вал с вкладышами, генераторы – все это нам еще пригодится.

Пока шел бой, караул, охранявший наши автомашины, задержал двух воров, укравших из грузовика с продовольствием два ящика тушенки. Их привели ко мне. Я принял решение собрать полевой военный трибунал, в который кроме меня вошли начальник особого отдела, начальник политотдела, начальник артиллерии. Жуликов приговорили к расстрелу. Провинившиеся красноармейцы были полураздеты, у одного из них не было обуви. Свой поступок они объяснили заблуждением и незнанием обстановки. Мол, думали, что воруют у немцев. Просили о смягчении приговора.

Мне их стало жалко. По моей просьбе члены трибунала решили отложить исполнение приговора на десять дней с возможностью его пересмотра. Воришек передали на поруки начальнику разведки. Забегая вперед, скажу: впоследствии эти бойцы зарекомендовали себя с лучшей стороны, и я оставил их в разведке до первого замечания.

Пока шел бой, на нас вышла группа окруженцев – больше сотни бойцов и командиров. Я зачислил их в свой отряд, и мы двинулись дальше. В двух немецких автомашинах я обнаружил четыре миномета калибром 120 мм и запас боеприпасов к ним.

Часть 2

Охотничья база, куда лежал наш путь, находилась на территории заповедного лесничества. Добравшись до заповедника, мы пересекли мост через небольшую речушку. У моста я оставил секрет, в составе мотоцикла с двумя красноармейцами и орудийного расчета с пушкой калибром 45 мм. На самом кордоне стояла подозрительная тишина. Она показалась мне нехорошим знаком. Я остановил колонну и отправился на разведку.

Обойдя забор, я незаметно подобрался к двери. За ней послышался шум шагов. Я рванул дверь на себя и увидел человека в гражданской одежде, но с наганом в руке. «Бандит», – сразу промелькнуло в голове, и я без колебаний ударил его ножом в сердце. Распахнув следующую дверь, увидел шагнувшего на меня человека и снова пустил в ход нож. Третий противник подобрался ко мне слева. Поднять наган он не успел – я оказался быстрее. Размышлять было некогда, еще один бандит целился в меня из пистолета. Между нами был массивный обеденный стол. Я метнул в него нож и попал прямо в глаз.

Теперь можно было и оглядеться. На полу в луже крови лежал человек в милицейской форме, по-видимому, местный участковый. Рядом с ним женщина корчилась от боли. У женщины из живота торчал большой охотничий нож. Раненый в плечо лесничий и двое сотрудников ВОХР были связаны и избитые лежали на полу избы. Надо было срочно помочь раненым. Я вызвал по радиации фельдшера. Он обещал прибыть в течение 20-ти минут.

Еще до прибытия фельдшера на кордон заехала телега, запряженная парой гнедых лошадей. С нее спрыгнул и подошел ко мне мужчина лет сорока. Про таких говорят: косая сажень в плечах. Ростом метр восемьдесят, весом, наверное, килограммов 140, он не казался толстым, скорее кряжистым. Им оказался местный кузнец Иван Васильевич Никонов. За свою недолгую службу на западной границе я все же успел узнать, что здесь все называют его «Белорусский Левша».

В разговоре с ним я попросил оценить техническое состояние всех пяти пароконных повозок, которые были в распоряжении нашего отряда, и рассмотреть возможность переделать тарантас, на котором бандиты приехали на кордон, в тачанку, причем мне хотелось использовать ее и зимой. Для этого колесная повозка должна быть легко переоборудована в сани. Кузнец обещал подумать над этим вопросом.

Наконец, появился фельдшер. Несколько часов он колдовал над ранеными и умудрился спасти всех, даже женщину, бухгалтера. Участковый рассказал мне, что он вместе с ней и двумя бойцами ВОХР вез ценный груз из банка – драгоценности на 12 миллионов рублей и четыре с половиной миллиона бумажных денег. В лесничестве на них напали бандиты и едва не убили. Он под расписку сдал все ценности моему заместителю по тылу.

После совещания со своими командирами я принял решение остаться на какое-то время на кордоне, чтобы подлечить раненых. У нас их оказалось около сорока человек. Здесь на кордоне «бил» лечебный источник, рядом с ним имелись лечебные грязи. Все это очень должно помочь заживлению ран.

Из своего разношерстного отряда мне предстояло сделать боеспособное подразделение, способное к успешным действиям в тылу врага. Нужно научить бойцов сражаться, довести их боевое мастерство до совершенства, научить управляться с вражеской техникой и оружием. В лесничестве находилось тридцать пять верховых лошадей. Здесь располагался небольшой конезавод для нужд лесхозов. Лошадей мы забрали для своей кавалерии, а лесничему написал соответствующую расписку.

Пока я находился на кордоне и воевал с бандитами, отличились мои кавалеристы. Конная группа, оставленная прикрывать раненых, получила информацию, что впереди, километрах в пятнадцати, немцы гонят колонну наших военнопленных, человек около 60-ти. Пятнадцать

моих пограничников скрытно обогнали ее и устроили засаду. Перебив охрану, они освободили военнопленных, которые тут же влились в наш отряд.

Еще раньше к нам примкнул старший сержант, грузин, с семьей кавказцами. Он пришел не с пустыми руками, а привел десять лошадей, впряженных в три пушки калибром 76 мм. Орудием такого же калибра пополнил нашу артиллерию старший лейтенант, командир группы из пяти бойцов, чей ЗИС-5, груженный снарядами, вместе с пушкой провалился в воронку от авиабомбы.

Теперь в моем распоряжении имелось семь орудий калибром 76 мм, пять пушек калибром 75 мм, две «сорокапятки» и зенитная пушка калибром 110 мм. Кроме того, были еще четыре миномета калибром 120 мм. Теперь надо скомплектовать орудийные расчеты и потренироваться, чтобы добиться слаженности и меткости в стрельбе.

Мне также предстояло научить разведчиков рукопашному бою и метанию ножей. Чтобы бесшумно уничтожать часовых, Кузнец Иван Васильевич предложил сделать арбалеты и луки. Мне идея понравилась. Дополнительно я попросил его попытаться выковать сюрикены по имевшемуся у меня образцу и сделать из автомобильных рессор настоящие финские ножи.

Наш кавалерийский эскадрон насчитывал почти сто сабель. Кузнец уже сделал две тачанки с пулеметами «Максим». Я разделил кавалеристов на два отряда, дав каждому из них пулеметную тачанку. Они отправились в разведку. Простых граждан я обижать запретил, а вот у полицейских приказал отбирать лошадей, телеги, велосипеды и другую технику. Убивать их пока не торопился, поскольку кто-то из них вполне мог быть оставлен нашими органами для работы в подполье. Это еще предстояло выяснить.

У меня образовался отряд из двадцати велосипедистов. Технику для него мы реквизировали у немецких связистов и посыльных. Все велосипедисты – отличные стрелки. Я позанимался с ними два дня. Кузнец снабдил этот отряд арбалетами и научил ими пользоваться. Эту группу я тоже отправил в разведку. Возглавил разведчиков лейтенант-пограничник, пришедший к нам по пути.

Отряд из четырнадцати мотоциклов с колясками отправился в разведывательный рейд на дальние подступы к нашей базе. В составе каждого экипажа, кроме водителя мотоцикла, были еще пулеметчик и снайпер. Выходить всем разведчикам на радиосвязь я приказал раз в сутки в определенное время.

По данным вернувшейся с задания пешей разведки, в 70-ти километрах от лесхоза, у деревни Большая Сосновка, немцы расположили временный лагерь советских военнопленных. В нем содержалось около двухсот командиров и красноармейцев. Ходили слухи, что через пять дней лагерь ликвидируют, а всех пленных расстреляют. На совещании мы составили план операции.

На следующий день в четыре часа утра в сторону деревни Большая Сосновка выдвинулась колонна из пяти грузовиков. Недалеко от лагеря с военнопленными из машин вышли пятнадцать снайперов и незаметно заняли позиции в соседнем лесу.

Лагерь охраняли двенадцать немецких солдат: на каждой из четырех вышек два бойца с пулеметом, два охранника у ворот, еще один – в мотоцикле и один – под «грибком». Мои снайперы одним залпом сняли охрану. В это время наши разведчики бесшумно уничтожили всех дежурных на двух блокпостах, расположенных на въездах в деревню. Немецкая комендатура располагалась в здании бывшего сельсовета. Мои бойцы закидали ее гранатами. Это стало сигналом для общей атаки. Деревню очень быстро очистили от фашистов. Среди трофеев – три грузовых автомашины.

На грузовиках мы подъехали к лагерю. С помощью тросов снесли часть ограждения из колючей проволоки. Я построил всех бывших пленных солдат и командиров в шеренги по восемь рядов, и обратился к ним с вопросом:

– Кто готов вернуться в Красную армию и искупить свою вину перед Родиной?

Отказников не нашлось. Все хотели и дальше бить фашистов. Освобожденных пленных мы привезли в деревню, где после бани всем выдали новую форму и распределили по подразделениям. Я был уверен, что сведения об освобождении советских военнопленных дошли до немецкой комендатуры в городе Мценске. Поэтому в скором времени ожидал гостей. Их следовало встретить подобающим образом. В сторону Мценска я отправил велоразведку. Рядом с городом они должны были встретиться с нашими кавалеристами, и, объединившись, атаковать немецкие объекты в Ценске.

В скором времени разведчики сообщили, что в сторону Большой Сосновки движется колонна вражеской техники в составе трех мотоциклов, двух бронетранспортеров, восемнадцати танков и двадцати автомашин с пехотой. Я решил действовать по уже проверенной схеме. Немцы еще к ней еще не привыкли, а у нас первый раз все прошло хорошо.

Нашли подходящее место для засады: справа от дороги – лесистая возвышенность, слева – небольшой овраг, глубиной три-четыре метра, а за ним низкорослый густой лес. В нем я разместили артиллерию и пулеметы. Пятьдесят стрелков с «оптикой» разместились вдоль дороги. Снайперскому искусству приходилось учиться прямо во время боя. Не у всех был опыт стрельбы по живым мишеням, а это очень важный фактор. Для подстраховки прошу пулеметчиков стрелять короткими, по два-три патрона, меткими очередями.

Жора с тремя девочками-снайперами заняли позиции на возвышенности. Там же расположились три пулеметных расчета. Все повторилось как под копирку. Я застрелил шесть мотоциклистов, возглавлявших колонну. Жора с девочками-снайперами вывел из строя водителей и пассажиров бронетранспортеров. Артиллерия двумя залпами поразила все восемнадцать танков противника и две последние автомашины. Бой закончился полной победой. После него уцелело двенадцать немецких грузовых автомашин, остальные механик Тихонович разобрал на запчасти.

Кавалерийская атака на Мценск также оказалась успешной. Удалось захватить богатые трофеи: четыре грузовые автомашины, шесть мотоциклов с коляской и пулеметами. Кроме того, комсомольцы города сообщили, что на складах с остатками советского обмундирования немцы спрятали семь ящиков с художественными ценностями. Их тоже удалось отбить.

Я вызвал интенданта, и он принял все захваченные у немцев ценности, а заодно двести комплектов летнего обмундирования, двести шинелей, сто бурок, сто шашек и пятьдесят седел. Под шинелями находился пулемет «Максим» и два ящика с винтовками, оснащенными оптическими прицелами, двенадцать трехлинеек в каждом ящике.

Через три дня все группы собрались на базе, уничтожая по пути своего следования немецкие гарнизоны. После совещания с командным составом провели инвентаризацию своего военного хозяйства. Мотоциклов у нас теперь стало сорок штук. Теперь предстояло обучить совместным действиям их экипажи, в состав которых входили водитель, пулеметчик и снайпер. Всего 120 бойцов. У нас собралось больше двухсот сабель кавалерии. Вместе с экипажами десяти тачанок, которые сделал кузнец, численность кавалерийского эскадрона составила 250 человек. Мне хотелось довести его численность до 400 бойцов (эскадрон).

На одном из уничтоженных железнодорожных мостов мы завладели четырьмя зенитными пушками калибра 36 мм. Теперь наша артиллерия состояла из шестнадцати орудий, десяти крупнокалиберных минометов. Для всего этого хозяйства потребовалось шестнадцать автомашин. Вместе с водителями, артиллерийской разведкой, взводом управления и расчетами орудий общая численность артиллерийского подразделения составила 160 человек.

Кроме того, в отряд входили пятьдесят стрелков-велосипедистов, два взвода саперов общей численностью шестьдесят человек, комендантский взвод – тридцать человек, интендантский взвод: повара, механики, водители – всего двадцать пять человек. Шестьдесят самых метких стрелков составили два отдельных взвода снайперов. По списочному составу отряд

теперь насчитывал 745 человек. Мы решили назвать его отдельной пограничной бригадой имени товарища И. В. Сталина.

Шел двадцать третий день войны. В 8 часов утра 15 июля мы услышали отдаленную стрельбу, взрывы гранат и оружейные раскаты. У меня под рукой был недавно сформированный отряд всадников из двадцати красноармейцев. Прихватив с собой трех мотоциклистов и три бронетранспортера, мы поехали на выстрелы. Оказалось, что это не очень-то и близко.

Проехав километров тридцать, у болота обнаружили две немецких грузовых автомашины, два бронетранспортера и два легких танка с небольшой охраной в восемь человек. Охрану быстро уничтожили. По радию я вызвал к себе людей на двух автомашинах. На базе в это время находилось около пятидесяти человек, с ними механик и кузнец.

Конница прошла вперед и догнала еще группу из тридцати фашистов, которую сопровождали автомашина с пушкой калибром 75 мм, два бронетранспортера, оснащенные пулеметами и двумя минометами калибром 120 мм. Уничтожили и эту группу. Через пять километров мы обнаружили пять завязших в болоте легких танков БТ-5 и БТ-7, оснащенных полуавтоматической пушкой калибра 45 мм и двумя спаренными пулеметами. На командирском танке БТ-7 имела рация. Один танк был неисправен.

Рядом завязли в грязной жиже броневик с двумя пулеметами и две противотанковые пушки калибром 45 мм. На островках в болоте стояли чудом спасшиеся семь лошадей, они были запряжены в орудия. Прочесав все болото, мы больше никого не обнаружили. Стали вытаскивать технику. Я попросил Тихоновича починить неисправный танк БТ-5. Мне мыслилось оставить броневик для своего штаба, а танки перевести на колесный ход. В таком положении БТ-5 и БТ-7 развивают скорость более 70 км/час.

Вернулась конная разведка, направленная мною вперед на поиски танкистов, отражавших нападение немцев. Ребята исследовали весь лес, но тоже никого не нашли. Зато они заметили колонну немцев,двигающуюся нам навстречу. До нее было еще более пятидесяти километров. Часа полтора чинили танк, за это время пообедали, а также подобрали экипажи к танкам как к трофейным немецким, так и к нашим. Скомплектовали оружейные расчеты.

Тем временем из болота вышли три танкиста – экипаж одного из разбитых советских танков. По их рассказам выходило, что бой с немцами принял отряд, численностью около взвода красноармейцев, усиленный имеющимися на вооружении четырьмя орудиями калибром 45 мм, пятью танками и броневиком. Командовал этим отрядом майор, фамилию танкисты не запомнили. Сам же майор погиб в самом начале боя. Во время столкновения бойцы разбежались, многие погибли на месте.

Разведчики по радию сообщили, что приближающаяся немецкая колонна состоит из двенадцати танков и десяти автомашин. Проанализировав эти данные, я принял решение уничтожить врага. Выбрав место для засады, я как всегда разместил артиллерию и танки вдоль дороги вне зоны прямой видимости, а стрелков и пулеметчиков – ближе к обочине. На всякий случай в кустарнике на другой стороне дороги поставил два пулемета.

Предупредил наводчиков о том, что на каждую цель у них есть только один выстрел. Включая танковые, у нас в наличии имелось 10 оружейных стволов. Первым залпом необходимо было вывести из строя сразу десять танков противника. Вторым залпом надо уничтожить остальные боевые машины и добить уцелевшие. Задача снайперов – перебить водителей и старших в грузовиках. Пулеметчики добивают пехоту.

Как только головной немецкий танк поравнялся с нашим первым орудием, мы открыли огонь. Вся операция заняла пятнадцать минут. Добив раненых фашистов, мы собрали трофейное оружие. Вражеские танки оставили на месте потому, что все они были на гусеничном ходу. А скорость передвижения при войне в тылу противника очень часто имеет решающее значение. Справедливости ради следует отметить, что трофейные танки, которые мы использовали в бою, были французскими.

Я попросил Тихоновича снять с одного из подбитых танков пушку, чтобы потом установить ее на штабной броневик. Он снял не только пушку, но и несколько пулеметов, объяснив это желанием приспособить их на тачанки.

Пока шел бой, к нам присоединилась группа красноармейцев в количестве одиннадцати человек во главе с лейтенантом Григорием Славиным. Я оставил его командовать своими бойцами, выделив для усиления группы семь танков, три бронетранспортера и три мотоцикла. Разумеется, вместе с экипажами.

В деревне Большая Сосновка часто мылись наши бойцы, не занятые службой. Интендант выдал всем красноармейцам и командирам новую форму. Я распорядился, чтобы командирам, не имеющим при себе документов, до окончания проверки начальником особого отдела, знаки отличия не носить. Я считал это справедливым.

Ближайшие к нашей базе немецкие гарнизоны были разбиты. Наступило некоторое затишье и, пользуясь этим, мы с Жорой тоже решили попариться в деревенской баньке. Тихонович починил трофейный грузовой «Мерседес» и сделал из него для меня утепленный фургон с рацией. На нем мы и отправились в Большую Сосновку. Машину под охраной водителя оставили за деревней в небольшом овраге. Жора взял с собой винтовку с оптическим прицелом.

– Зачем? – спросил я.

– Пусть будет. Береженого Бог бережет.

Специально баню мы не выбрали, они все были теплые. Зашли в первую попавшуюся на пути. Подложили дровишек, разделись и стали мыться и париться. Время пролетело незаметно. Разомлевшие от пара, мы с Жорой вышли из бани и присели на стоявшую рядом скамейку. Неожиданно с улицы послышался треск мотоцикла и гул автомашин.

Выглянув за калитку, мы увидели, что к деревне приближаются два мотоцикла и грузовая автомашина. Чтобы немцы не заметили нас за невысоким забором, мы с Жорой сняли свои зеленые фуражки. К нам вышла хозяйка бани, я попросил ее спуститься к нашей автомашине и сообщить водителю, чтобы он вызвал помощь. Пока же решили действовать самостоятельно.

Я ждал фашистов на правой стороне улицы, а Жора – на левой. Въехавшая в деревню немецкая колонна остановилась на центральной площади. Из автомашины вышло двадцать пять немецких солдат и пять полицаев. Мотоциклисты остались за рулем, а из колясок выскочили офицеры. Капитан и лейтенант пошли на площадь и разместились на стоявшей там трибуне. Полицейские также остались на площади, а солдаты пошли по дворам.

Десять фашистов двинулись в сторону Жоры, пятнадцать пошли по дворам на моей стороне улицы. Немцы заходили в дома по два-три человека. В мою калитку зашли три солдата. Я встретил их в два ножа. Несколько секунд, и немцы лежат мертвые. Я прыгнул через забор в соседний двор, где встретил еще двоих. Их постигла та же участь. Так, перебираясь из одного двора в другой, я расправился со всеми фашистами, находившимися на моей стороне.

У Жоры было тихо. Офицеры болтали на площади, полицейские сбились в кучу и ждали указаний. Через пять минут раздался легкий свист, и я заметил, что справа на крыше дома засел Жора с винтовкой.

Вытащив два своих пистолета «ТТ», я быстро вышел на улицу, где сразу же застрелил мотоциклистов и ранил обоих офицеров. Жора открыл огонь по полицаям, прикрывая меня, и перестрелял их всех.

Неожиданно мне пулей обожгло руку. Я резко оглянулся и увидел стоящего у туалета полицаю. Он торопливо перезаряжал винтовку. Я выстрелил ему в лоб. Оказалось, ему «приспичило» и пока мы расправлялись с его коллегами, он сидел в сортире. Выйдя из него, он не придумал ничего лучшего, как выстрелить в меня, за что и поплатился жизнью.

В деревню залетела моя конница. Кавалеристы прочесали деревню, но живых немцев больше не нашли. Все было хорошо. Для оказания мне медицинской помощи фельдшер приехать не мог, наша основная база находилась далековато.

Жора обработал мне рану, но сделать аккуратную повязку не мог. Заметив, как он мучается, к нам подошла девушка, хозяйка бани, с аптечкой в руках. Она пригласила меня в свой дом. Я расположился на кухне. Девушка достала инструмент, обработала мою рану каким-то обжигающим раствором и вынула застрявшую в кости пулю. Затем она еще раз обработала и перевязала мне руку.

В ходе разговора я выяснил, что девушку зовут Алеся, фамилия – Петрович, ей двадцать один год. До войны она окончила ветеринарный техникум и работала в колхозе зоотехником. В тридцать девятом году Алеся вышла замуж, но с мужем ей довелось пожить всего неделю. Его призвали в армию, а в феврале 1940 года на него пришла похоронка. Он погиб на Финской войне. С тех пор девушка жила одна. Я предложил ей пойти с нами. Она с радостью согласилась. Пока я лазил по дворам, весь испачкался. Алеся сказала, что пойдет протопит баню и наносит воды. Я же решил часик отдохнуть после проведенной ей операции.

Алеся – красивая девушка. Не худая и не толстая, как говорят в народе, в самом соку. Ростом около 170 сантиметров, ее русые волосы, заплетенные в косы, на солнце кажутся огненными. Глаза у нее огромные, голубые. Нос возможно великоват для ее лица, но он ее не портит, а скорее подчеркивал какую-то свою, особенную красоту.

Спустя примерно час, Алеся вернулась и сообщила, что баня готова. Моя раненая рука почему-то стала болеть сильнее. Я надеялся, что в бане боль пройдет. Алеся предложила помочь мне раздеться и помыть спину. С одной рукой это сделать было непросто, поэтому я подумал и согласился.

С помощью Алеся я разделся и прошел в парную, где лег животом на полог. Следом за мной зашла Алеся. Девушка была в длинной белой сорочке. Она намылила мочалку и стала тереть мне спину. Я так расслабился, что даже забыл о том, что идет война.

Закончив со спиной, моя помощница предложила мне перевернуться. Я машинально согласился и выполнил ее просьбу. Девушка стояла в полный рост, сорочка на ней намочила и красиво облегла девичье тело. Вдруг Алеся прильнула ко мне и стала жадно целовать. Я машинально ответил на ее ласки. Мы стали любить друг друга жадно и долго. Один раз, потом второй и третий. Наконец мы немного насытились и оторвались друг от друга.

Алеся принесла из предбанника холодного кваса. Мы пили его и разговаривали. Я рассказывал о себе, Алеся – о себе: о том, как училась в техникуме, как вышла замуж, как осталась одна, как жила почти полтора года без мужа. Она еще раз прильнула ко мне, и я не смог просто так от нее оторваться. Когда мы закончили, в дверь постучали. Это был Жора. У меня сложилось впечатление, что он все время стоял за дверью, как на посту.

Жора доложил, что меня ждут мои заместители. Я сказал Алеся, чтобы она собиралась с нами. Поживет пока у девушек-радисток. Свои отношения мы договорились до поры до времени не афишировать. Решили пока присмотреться друг к другу. Хотя, честно сказать, я был бы не против жениться на этой девушке. Но Алеся не соглашалась. Идет война и видимо она боялась снова остаться одна.

Мы собрали местных жителей и при всех допросили пленных немецких офицеров – капитана и лейтенанта. Они признались – приехали, чтобы расстрелять жителей и сжечь деревню. Видя, какой оборот принимает дело, я предложил жителям деревни уйти в лес и организовать партизанский отряд. Оружием и радиостанцией мы их обеспечим. Все собравшиеся на площади люди меня поддержали. Иного выхода у них не было. Красноармейцы стали помогать эвакуироваться жителям приютившей нас деревни. После собрания я провел совещание со своими заместителями. Разведка доложила, что на расстоянии четырехсот километров от нашей базы немцы строят аэродром дальней авиации. Предполагается, что на нем будет базироваться приблизительно сорок самолетов.

Было решено провести семисоткилометровый рейд вперед, навести «шорох» и незаметно вернуться назад к аэродрому. В моем отряде насчитывалось двадцать пять сбитых легчиков.

Пока они воевали как пехотинцы. Захват аэродрома давал бы им возможность вспомнить свою основную военную специальность.

Когда я учился в академии, ходил заниматься в аэроклуб, где научился основным навыкам пилотирования. Как говорят летчики, взлет – посадка. Когда выпадало свободное время, ребята-летчики занимались со мной теорией. Я вроде с их слов даже немного преуспел в этом деле. Теперь хотелось бы получить еще и практику.

В ходе глубокого рейда ребята основательно пошумели – взорвали пять мостов, уничтожили пять немецких гарнизонов, разбили пять узловых железнодорожных станций. Поначалу мы хотели накрывать узловые станции минометным и артиллерийским огнем, но потом поняли, что в таком случае останемся без трофеев: боеприпасов и провианта.

Поэтому мы стали действовать по-другому. Снимали часовых, потом уничтожали комендатуру и комендантский взвод, забирали снаряды нужного калибра, необходимое оружие, фураж, продовольствие, бензин. Оставшийся бензин мы обычно разливали вдоль составов и поджигали. Это давало потрясающий эффект. Вагоны с боеприпасами взлетали на воздух и разносили всю станцию.

Наконец пришла очередь аэродрома. Его еще не достроили, зато пригнали туда два транспортных самолета и пять истребителей. Один из транспортников был большим, второй – маленький итальянский самолет, способный перевезти двенадцать человек или полторы тонны груза. Почему-то он был красного цвета. Транспортные самолеты мы решили захватить, а истребители – уничтожить, потому что на них не долететь до линии фронта.

Отряды из рейдов собрались под деревней Озера, в пятидесяти километрах от аэродрома. Разведка доложила, что на нем уже находятся тридцать пять бомбардировщиков дальней авиации. Они прилетели туда вчера вечером.

Мы уже определили день и время для атаки на аэродром, когда разведка доложила, что все тридцать пять бомбардировщиков улетели в неизвестном им направлении. Это было досадно, но все же нападение на аэродром мы решили не откладывать, чтобы захватить хотя бы транспортные самолеты и на них переправить пленных немецких офицеров в Москву. Их у нас набралось уже 35 человек и вполне вероятно, что кто-то из них располагал весьма ценными сведениями.

В назначенный день во время обеда, когда обслуга и охрана отвлеклись для приема пищи, наши стрелки заняли позиции вокруг аэродрома. Разведка сняла из арбалетов часовых у въездных ворот. В них заехали сорок мотоциклистов и шесть бронетранспортеров. Техника рассредоточилась по аэродрому. В это время прозвучал залп наших стрелков. Пулеметчики и снайперы добились персонал и остальную охрану.

Техники проверили заправку самолетов, состояние оружия и стали закрасивать кресты припасенной для этого краской. На их место с помощью заготовленных заранее трафаретов были нанесены красные звезды. Пять истребителей приготовили к уничтожению. Небольшой итальянский транспортный самолет – биплан красного цвета, я решил оставить для нужд бригады. Самолетик из красного превратили в зелено-бурый. Тихонович поставил на него дополнительный топливный бак и установил два пулемета.

Лететь в Москву было решено на большом транспортном самолете. Пилотировать его я доверил капитану Селину. Нам нужно прилететь на один из Московских аэродромов. Я считал, что с нами адекватно будут разговаривать только в Москве. Мне хотелось верить, что нас примет представитель Генерального штаба.

Я подготовил докладную записку на имя Л. П. Берия, так как именно он возглавлял на тот момент пограничные войска. В ней подробно изложил обстановку и планы нашего дальнейшего будущего. Я предложил Лаврентию Павловичу назвать наш отряд Отдельной пограничной бригадой имени товарища И. В. Сталина.

Вылет назначили 11 августа 1941 года в 18.00. Погрузили в самолет всех пленных офицеров. Бывший начальник штаба авиационного полка капитан Селин Иван был мною проинструктирован, как себя вести и с кем разговаривать. Капитан улетел, а мы стали ждать от него сообщений.

В бою за аэродром нам достались неплохие трофеи. Наша артиллерия пополнилась четырьмя зенитными пушками калибром 88 мм и двумя спаренными зенитками калибром 36 мм. Также нам достались два бронетранспортера и шесть мотоциклов.

Для встречи возможного нападения врага я разделил наш отряд на две части, придав каждой из них равное количество пулеметов и артиллерийских орудий. Но немцы на помощь своим не спешили и мы, прождав четыре часа в засаде, покинули аэродром, забрав с собой два заправленных под завязку бензовоза, несколько бочек с маслом и шесть автомашин.

Через пять дней по нашему шифру, отправленному с капитаном Селиным, из Москвы пришла радиограмма. В шифровке сообщалось, что к нам вылетел самолет с радистом и приказом о дальнейших действиях. В назначенном месте мы встретили парашютиста и груз. Радистом оказался парень двадцати пяти лет, коренастый, с темно-русыми волосами и голубыми глазами. По званию он был старшиной пограничных войск и имел необычную фамилию – Засядьволк. Звали его Федором Кузьмичом.

Он доложил, что прислан к нам радистом-шифровальщиком. Предоставив необходимые документы, старшина передал мне приказ о том, что наша бригада зачислена в состав Красной армии, а именно в пограничные войска. Название бригады оставили без изменения, меня утвердили ее командиром с присвоением звания майора пограничной службы. О наградных листах, которые я послал с Селиным, в приказе не было ни слова. Но старшина сообщил о том, что о наградах в штабе пока не думают, отступаем по всем направлениям.

Часть 3

Мы решили пройти по Беларуси с партизанским рейдом, уничтожая железнодорожные мосты и узловые железнодорожные станции, а также немецкие гарнизоны. Рейд прошел успешно. Мы уничтожили двенадцать мостов, семь узловых станций, около ста эшелонов, три крупных немецких гарнизона и пятнадцать не очень крупных, где было до сотни фашистов.

В ходе рейда на местах было создано пять партизанских отрядов. Одним из них стал командовать мой двоюродный брат Коновалов. Его отец и моя мать – родные брат с сестрой. О том, как он сюда попал, расскажу позже.

После окончания рейда я снова собрал все свои отряды в один кулак. За это время к нам прибило немало попавших в окружение красноармейцев и командиров. Их надо было обучить методам партизанской войны и разбить по взводам и ротам. Во временном лагере недалеко от Беловежской пушчи бригада провела десять дней. Раненые подлечились, здоровые научились военной специальности.

Начался сентябрь, ночи резко похолодали. Я распорядился оборудовать немецкой фанерой грузовики, чтобы сделать из них пригодные для жизни и сна фургоны. Мы постоянно перемещаемся, и каждому красноармейцу надо иметь какой-то свой угол. Осенью столкнулись еще с одной проблемой – с деревьев начали опадать листья. Маскироваться стало гораздо труднее. На наши тылы почти каждый день налетала немецкая авиация. Пришлось выработать тактику отражения налетов.

Зенитную артиллерию малого калибра и спаренные зенитные пулеметы установили на грузовые автомашины. Их расчеты находились в постоянной боевой готовности. Цели старались всегда распределить заранее. Как правило, немецкие самолеты летали парами или четверками. Если в колонне четыре зенитные установки, то каждая из них ведет огонь по своему самолету.

Во всех наших подразделениях есть снайперы или стрелки. Они разбиты на группы по пять человек, так называемые пятерки. В их задачи также входила борьба с вражескими самолетами. За каждым снайпером в пятерке была закреплена своя цель – одна из самых уязвимых точек самолета. Когда по самолету били из снайперских винтовок сразу несколько таких пятерок, шансов у летчика почти не оставалось.

После переформирования бригады, нам наконец-то повезло. На одной из узловых станций мы обнаружили сто лошадей и пятьдесят коров, приготовленных на отправку в Германию. Коров мы вывезли и раздали партизанским отрядам, а лошадей забрали себе.

У нас прибавилось артиллерии. Теперь мы располагали тридцатью восемью орудиями и двадцатью крупнокалиберными минометами. Мобильность обеспечивали семьдесят пять автомашин. В артиллерийском дивизионе насчитывалось 300 человек. Столько же было в кавалерийском эскадроне.

Кроме того, в бригаду входили: пятьдесят стрелков-велосипедистов, два взвода саперов – пятьдесят человек, комендантский взвод – тридцать человек, интендантский взвод – двадцать пять человек. Еще пятьдесят человек составляли два отдельных взвода снайперов. Численность экипажей восьми тачанок – 32, пяти танков БТ и двух легких французских танков на колесном ходу составляла 53 человека. Итого, вместе со мной, бригада насчитывала 800 бойцов.

С нами имели постоянную связь пять наших партизанских отрядов, численность которых росла с каждым днем. Еды и фуража у нас хватало. Помогали трофеи, которые мы брали при разгроме немецких колонн. Я распорядился, чтобы у кавалеристов всегда был за спиной мешок овса или пшеницы, на всякий случай. Чтобы не передвигаться большой массой и не

стать мишенью немецкой авиации, я разбил бригаду на отряды по сто человек, придав каждому артиллерию и танки. Отряды отправились в глубокий рейд по приграничным районам.

В первой декаде октября бригада вновь собралась в один кулак. Разведка сообщила, что на уже хорошо знакомый нам аэродром опять прилетели тридцать пять бомбардировщиков дальней авиации. В планах немцев входил массированный налет на Москву. Я решил атаковать аэродром без промедления. У меня была мысль захватить все немецкие бомбардировщики и перегнать их через линию фронта на нашу сторону. О своих планах мы передали зашифрованную радиogramму в штаб партизанского движения. Штаб согласовал наш план. Кроме того, мне и моему замполиту было предписано явиться в Москву лично. Если все сложится хорошо, то состав бригады сократится на 105 бойцов. От нас улетят тридцать пять летчиков, тридцать пять вторых пилотов и тридцать пять стрелков. Операция была назначена на 11 октября.

Во время атаки на аэродром шальная пуля чиркнула меня по ребрам. Пришлось брать с собой в Москву медика – Алесю. Кроме замполита со мной в штаб полетел ординарец Жора и механик Тихонович. В мой итальянский транспортник погрузили семь ящиков художественных ценностей и банковские ценности, изъятые у бандитов. При взятии аэродрома к нам в плен попал полковник авиации и пехотный майор, их тоже взяли в Москву.

Мной был разработан и согласован с центром план авианалета на вражеские позиции, который мы собирались совершить по пути в столицу. Главное – не промахнуться, чтобы не ударить по нашим позициям. Для этого мы держали постоянную связь с руководством фронта.

В полет отправились тридцать пять бомбардировщиков и один транспортный самолет. Над немецкими позициями мы оказались как раз в 4 часа утра 12 октября. Самолеты зашли на бомбометание и, как мне показалось, очень удачно. Немцы совсем не ожидали налета с этой стороны и уж тем более того, что бомбы на них сбросят их собственные самолеты. Это была маленькая месть за 22 июня 1941 года.

На подлете к Москве мы получили разрешение на посадку на аэродроме Тушино. Приземлились в семь утра. Я заходил на посадку последним и видел, как красиво садились наши самолеты.

Ко мне подошел какой-то подполковник и стал что-то орать. Шум двигателей самолетов не позволял понять, что он хочет. Я подошел к нему вплотную и прокричал ему в ухо:

– Чего орешь, подполковник? Все равно же ничего не слышно.

У него округлились глаза. Он немного помолчал, а потом, задыхаясь от злости, спросил, есть ли у меня полетные документы.

– У меня есть удостоверение пилота, а самолет угнан у фашистов. Они документов не выдали.

Он нехорошо улыбнулся и сказал, что теперь мой самолет едва ли отсюда улетит. Я с иронической улыбкой ответил, что у меня сорок летчиков, кто-нибудь да улетит. Ко мне подошел майор государственной безопасности и, выяснив мою фамилию, предложил проехать с ним.

Мы приехали в Кремль. У меня забрали документы, оружие, включая перочинный нож. Отвели в отдельную комнату с кроватью, душем и туалетом. Я получил приказ ждать вызова. Не теряя времени, я сразу принял душ и собирался постирать гимнастерку, но тут дверь открылась, и мне принесли абсолютно новый комплект пограничной формы с петлицами майора. К кителью уже были прикручены мои награды.

Капитан госбезопасности, который принес мне новые вещи, повторил приказ: ждать. Возможно, со мной захочет встретиться кто-нибудь из членов Государственного комитета обороны. Он передал мне письменные инструкции о том, как следует себя вести при разговоре с руководителями партии и правительства: в упор не смотреть, голос не повышать, пока не спросят, не говорить, ну и так далее.

Я боялся измять форму, поэтому одеваться полностью не стал, а лег на кровать в исподнем. От усталости сразу крепко уснул. Даже рана ребер не беспокоила. Последний раз я спал на простынях 21 июня 1941 года.

В два часа ночи за мной пришли. Я быстро оделся и пошел за майором госбезопасности по пустынным коридорам Кремля. Шли долго – около двадцати пяти минут. На встречу попался один генерал-лейтенант, тоже в сопровождении офицера госбезопасности.

Меня завели в большую приемную, и я сразу догадался, что это приемная товарища Сталина. Узнал я и его помощника товарища Поскребышева. Открылась дверь, мне предложили войти. Кабинет Сталина был огромным. За стоявшим в его центре столом сидели почти все члены правительства. Товарищ Сталин был в военной форме без погон. На груди золотая звезда Героя Социалистического труда, говорили, что за номером один.

Перед ним лежала пухлая папка красного цвета. Я подошел ближе к столу. Неожиданно для меня товарищ Сталин встал, подошел ко мне и протянул мне руку. Честно говоря, я слегка опешил. Сталин сказал:

– Здравствуйте, товарищ подполковник.

Я промолчал, словно язык проглотил от волнения.

Сталин повторил:

– Проходите ближе к столу, товарищ подполковник.

Тут я посмотрел на свои петлицы, на них по-прежнему было две шпалы.

– Товарищ Сталин, я – майор.

Иосиф Виссарионович посмотрел на Берия:

– Лаврентий, подтверди товарищу, что с сегодняшнего дня он – подполковник.

Берия кивнул.

Я передал Сталину списки привезенных мною ценностей. Совершенно случайно там оказались наградные документы, документы на повышения звания и списки бригады.

Верховный главнокомандующий внимательно посмотрел все списки и поднял голову.

– Товарищ Берия, я считаю, что за спасение для государства огромных художественных и материальных ценностей подполковник заслуживает награждения орденом Ленина, за угон вражеских самолетов и бомбардировку с их помощью немецких позиций наградим его орденом Красного знамени. По совокупности, за умелые действия в тылу врага, считаю возможным представить его еще к одному ордену Ленина.

Сталин подписал все наградные документы и передал их товарищу. Затем Иосиф Виссарионович обратился ко мне:

– Товарищ Воронцов, есть ли у вас личные просьбы?

Я поблагодарил главу советского государства за высокую оценку моей военной работы и рассказал о начальнике Тушинского аэродрома, который требовал с меня полетные документы.

Сталин встал и прошелся вдоль стола. Затем подошел к министру авиации и приказал его оформить удостоверение на мое имя, разрешающегося приземляться и взлетать на любом аэродроме Советского Союза. Документ подписали все члены ГКО и лично товарищ Сталин.

Иосиф Виссарионович подошел ко мне и сказал:

– Товарищ Воронцов, за формирование боевого соединения в тылу врага вы заслуживаете орден Красной звезды.

Затем он взял меня за пуговицу и спросил:

– А что, подполковник, не чувствуешь ли ты какой-нибудь вины перед Советской властью? Говори, не бойся.

– Никак нет, товарищ Сталин. Никакой вины за собой не знаю.

Иосиф Виссарионович посмотрел в сторону открывшейся двери, в которую ввели моего замполита. Вы бы видели мое лицо.

– А вот твой замполит считает, что кое в чем ты все-таки провинился. Ну, расскажи, дорогой товарищ Грачев, в чем виновен твой командир перед Советской властью? Ведь не зря же ты на него такую бумагу написал. Хорошо, что Лаврентий перехватил твою писульку.

Покрасневший замполит от стыда готов был провалиться на месте. Тем не менее, после недолго молчания он ответил:

– Товарищ Сталин, подполковник Воронцов без росписи сожительствоет с ветеринарным фельдшером. Но это не главное, он плохой командир. Совершенные им ошибки не позволили бригаде добиться еще больших успехов в борьбе с фашистами.

Иосиф Виссарионович покачал головой:

– За голову твоего командира немцы назначили огромную сумму немецких марок. Да и представленные тобой же фото- и видеоматериалы подтверждают уничтожение большого количества техники и живой силы противника на временно оккупированной врагом территории. И это при минимальных потерях.

Потом он обратился ко мне:

– Ты женат?

– Никогда не был женат, товарищ Сталин. Сейчас иногда встречаюсь с женщиной. Она прилетела со мной. Она медик, а я ранен.

Иосиф Виссарионович похлопал меня по плечу:

– Хорошо, что тебя Берия запомнил и мне доложил. Могло ведь повернуться и по-другому. А так – воюй. Вижу, что неправду написал твой заместитель. А впредь будь умнее и лучше подбирай кадры.

Затем Сталин обратился к замполиту:

– Нехорошо поступаешь, товарищ Грачев. Твой командир тебя к званию батальонного комиссара представил и к ордену Ленина, а ты доносы на него пишешь. Место тебе, замполит, в штрафном батальоне в звании рядового. Без моего особого распоряжения звания не повышать, места службы не менять.

Бывшего старшего политрука увели. Верховный главнокомандующий пригласил меня к огромной карте европейской территории СССР, на которой была отмечена линия фронта. С ее помощью Сталин проинформировал меня о новом задании, которое предстоит выполнить моей бригаде во вражеском тылу. Нам предписывалось уничтожить немецкие артиллерийские склады, а также склады с топливом и продовольствием, расположенные у самой линии фронта, и обеспечить сохранность мостов для развития будущего контрнаступления под Москвой.

Верховный главнокомандующий вручил мне пакет с подробными указаниями. Прощаясь, Сталин пожал мне руку и напомнил:

– Все награды на своих бойцов и командиров и документы на присвоение званий получишь у Поскребышева. Он же выдаст удостоверение на взлет и посадку.

– Что еще хочешь? – спросил он, не отпуская моей руки.

Я смотрел в глаза Сталина и не мог поверить, что это все происходит со мной, поэтому не вымолвил ни слова. Тогда он сказал сам:

– Определите товарищей на аэродроме и дайте им автомашину, пусть посмотрят город.

– Во сколько у вас вылет? – спросил он у меня.

– Вылетать надо в двадцать часов, чтобы затемно перелететь линию фронта.

– Правильно. Действуйте, товарищ Воронцов. Желаю успехов в выполнении заданий Государственного комитета обороны.

Я вышел в приемную. Александр Николаевич Поскребышев вручил мне мои четыре ордена и документы на них, а также удостоверение для разрешения посадки и взлета с любого аэродрома Советского союза.

– Документы и награды для личного состава вам привезут к отлету на аэродром, – сказал он.

На выходе из приемной меня уже ожидал офицер госбезопасности. Он сопроводил меня до выхода и усадил в машину. В салоне автомобиля, готовясь к встрече с крикливым подполковником, я прикрепил на каждую петлицу еще по одной шпале и прикрутил все новые ордена. Орден Ленина делали из золота, а остальные – из серебра, мне очень понравилось. «А ведь товарищ Сталин прав, – подумал я. – Все действительно могло сложиться по-другому, если кто-нибудь поверил бы в писанину замполита. И был бы я не в орденах, а в камере или того хуже».

На аэродроме я вышел из автомашины, сверкая орденами как новогодняя елка. Правда, праздничное настроение немного портила рана. Она начала кровоточить и сильнее болеть. Дежурный определил нас в две комнаты в общежитии при аэродроме с одним душем и туалетом. Подполковника я больше не видел.

– Когда у вас вылет, товарищ подполковник? – спросил дежурный.

– Ровно в 20.00.

– Самолет будет готов!

Часы показывали девять часов утра. Ребята помылись, привели себя в порядок, перекусили, а затем я, Тихонович, Жора и Алеся поехали кататься по Москве.

Столица практически не изменилась, только на окнах домов появились бумажные кресты, а памятники завешаны маскировочными сетками. Но город это не портило. От того, что Москва стоит и будет стоять, нас всех охватывал священный трепет. Мы попросили водителя остановиться в месте потише, но так, чтобы рядом был какой-нибудь символ Москвы. Он остановился в тихом переулке у большого старинного здания. Мы вышли и быстро, не привлекая внимания, сфотографировались. Затем покатались немного по набережным Москва-реки и поехали в Тушино.

Самолет был готов к вылету. Мы перекусили сухим пайком и стали готовиться к полету. Тихонович узнал, что того скандального подполковника сняли с должности и отправили служить куда-то на Север. Мне стало неудобно, я ему зла не хотел.

Для нашей группы привезли документы, награды и карты районов боевых действий. Пока мы шли к своему самолету, на посадку зашел штурмовик Ил-2, еще довоенный, двухместный. Мы бы так и прошли мимо него, но тут меня кто-то окликнул:

– Товарищ капитан, разрешите обратиться.

Голос был женский. Я оглянулся и увидел Капитолину, ту самую девушку, с которой мы ехали в Брест. Мы радостно обнялись. Она рассказала, что война застала ее в Минске, куда она поехала на экскурсию. Город сильно бомбили, она записалась в армию добровольцем, случайно попала в авиаполк штурмовой авиации. Сейчас в звании лейтенанта она служит начальником медицинской службы полка.

Я был в летной куртке, она случайно распахнулась, и Капитолина открыла рот от восхищения. Подполковник, к прежним наградам добавились два ордена Ленина, орден Красного знамени и орден Красной звезды. Она удивленно посмотрела на меня, и я покраснел от удовольствия и стеснения.

Мы с Капитолиной обменялись адресами. При этом мне пришлось предупредить ее, что почту к нам в бригаду доставляют не чаще одного раза в месяц, а то и еще реже. Я не стал спрашивать, где базируется ее полк, а то опять обвинят в шпионаже.

Подбежал дежурный и сказал, что пора улетать. Я обнял и поцеловал Капитолину на прощание и пошел к самолету. Тихонович уже завел и прогрел мотор. Алеся стояла рядом с самолетом, всем своим видом показывая, что ждет моих объяснений. Я молча сел за штурвал, получил разрешение и взлетел. Тихонович рассчитал маршрут до Могилева, в том районе между городками Дрибином и Горки базировалась моя бригада. Оттуда, минуя Смоленск, нам предстояло совершить марш в сторону Рославля.

В шесть часов утра наш самолет приземлился на партизанском аэродроме. Я провел торжественное построение бригады, в ходе которого вручил отличившимся бойцам и командирам

ордена и медали, а также сообщил о присвоении новых званий. Процедура шла быстро, но все равно продлилась около двух часов.

После награждения я собрал своих заместителей и начальников служб и подробно рассказал, о встрече с товарищем Сталиным. Не стал делать секрета и из кляузы замполита. Я был уверен, что он действовал не один, и кто-то сидящих сейчас за столом командиров очень хотел, чтобы меня сняли с должности. Рассказывая о письме замполита, я внимательно вглядывался в лица, стараясь угадать, кто же является моим недоброжелателем. Понятно, что после моего снятия самого Грачева едва ли утвердили бы в должности командира бригады. Он политработник, а не строевик.

После совещания я поделился своими мыслями с начальником особого отдела. Мы долго перебирали кандидатуры, стараясь понять, кому это выгодно. Остановились на начальнике штаба бригады. Он попал к нам после взятия лагеря с военнопленными. Представился майором Красной армии, начальником штаба стрелкового полка. Сергей Иванович Хомяков оказался толковым мужиком, у которого все было средним: рост, телосложение, возраст. В свое время Особист направлял его данные в Москву для проверки, и мы получили разрешение назначить его на должность начальника штаба бригады. Сегодня в числе многих Хомяков был повышен в звании и отмечен государственной наградой – орденом Ленина.

Я решил не ходить вокруг да около, а честно поговорить со своим начальником штаба. Когда завел речь о заговоре против меня, он не стал отнекиваться, а сразу обо всем рассказал. Конечно, Хомяков клялся и божился, что больше такого не повторится. Мол, бес попутал. Но как можно верить человеку, который один раз тебя уже предал? При этом совсем портить жизнь этому человеку мне не хотелось. Вояка он был опытный и толковый, хоть, как оказалось, и карьерист.

Я давно подумывал создать под Смоленском еще один партизанский отряд. Вот и поручил я это дело Хомякову, сняв его с должности начальника штаба. При этом ему было запрещено использовать для этой цели ресурсы нашей бригады, ей предстояло выполнение ответственного задания, в детали которого Хомякова я посвящать не стал. На всякий случай я приказал начальнику оперативного отдела проконтролировать действия Хомякова. Бережного Бог бережет.

Новым начальником штаба бригады я решил поставить бывшего артиллерийского капитана, а нынче уже майора Игнатия Валерьевича Сарычева. Он показал себя отличным командиром, руководя всей артиллерией бригады. Мне хотелось надеяться, что он оправдает возложенную на него ответственность. Младший политрук Федор Иванович Дергач тоже был повышен в звании до политрука. По моему мнению, он очень подходил для должности моего заместителя по политической части. О планируемых перестановках в своем штабе я доложил в Москву. Командование утвердило мои кандидатуры. Более того, Дергачу было присвоено звание старшего политрука. Я вызвал к себе обоих и поздравил с назначением на новые должности. Федора Ивановича я сразу попросил определиться со своим помощником и фотокорреспондентом. Он сказал, что у него уже есть подходящие кандидатуры.

Теперь следовало подумать, как выполнить задание Ставки. Было решено сначала занять город Рославль, а также городки Дрибин и Горки, в которых находились железнодорожные узлы. План был простой: одновременно в двадцать часов вечера скрытно входим в оба этих городка. В Дрибин вези три въезда, в Горки – два. Каждый въезд охранялся стандартно: пулеметное гнездо, обложенное мешками с песком, мотоцикл с пулеметом у караульной будки. Всего шесть солдат и два пулемета.

По плану, разведчики, используя арбалеты, должны будут убрать охрану всех контрольно-пропускных пунктов. Двадцать пять мотоциклов, соответственно двадцать пять пулеметов и двадцать пять снайперов, заедут в городки и уничтожат немецкие гарнизоны. В этом деле им помогут два взвода велоразведчиков.

С каждой группой пойдет взвод саперов и отдельный взвод стрелков. Операцию поддержат в одном городке три средних, а в другом – четыре легких танка. По одному артиллерийскому дивизиону будет располагаться на возвышенностях у обоих городков.

По данным разведки, в тридцати километрах от города Горки находится лагерь советских военнопленных, в котором содержатся сто пятьдесят красноармейцев. Его охрану осуществляют всего двадцать немецких солдат. Я решаю после овладения городком Горки выделить двадцать снайперов для уничтожения охраны лагеря и восемь грузовиков, чтобы забрать с собой наших освобожденных из плена бойцов и снайперов.

Начали действовать строго по плану – в двадцать часов. Все прошло без сучка и задоринки. В двадцать один час взятие городков и железнодорожных узлов, а также лагеря с военнопленными закончилось. Освобожденных из плена красноармейцев на грузовиках привезли в город Горки. Начальник особого отдела вместе с начальником штаба бригады провели предварительную проверку. Тыловики отправили новобранцев в баню и переодели. Я разрешил Хомякову набрать один взвод для своего партизанского отряда, но только после того, как начальник штаба отберет людей для нашей бригады.

В захваченных городках мы пополнили запасы ГСМ, продуктов, фуража и боеприпасов. Нашу передвижную группу дополнили два легких танка французского производства, способные передвигаться как на гусеничном, так и на колесном ходу. Также в качестве трофеев нам достались двенадцать зенитных пушек: четыре спаренные калибром 36 мм и восемь крупнокалиберных (88 мм), восемь крупнокалиберных минометов калибром 120 мм, двадцать автомашин и двенадцать мотоциклов.

Мы уничтожили четырнадцать средних и шесть тяжелых немецких танков, тридцать орудий, шесть десятков автомобилей, сорок вагонов боеприпасов, шестьдесят вагонов с топливом, тридцать – с продуктами и двадцать – с фуражом, двенадцать паровозов и около ста вагонов со всяким барахлом.

Очень кстати оказались пятьдесят захваченных у немцев лошадей. Зима уже не за горами – велосипеды скоро придется сменить на лошадок и лыжи. Мой заместитель по тылу уже этим занимается. Двадцать лошадок, пять мотоциклов и три грузовые автомашины я передал Хомякову для большей мобильности его нового отряда.

В двадцать три часа артиллерийская разведка и кавалерия с десятью тачанками вошла в город Рославль. Действовали по старой схеме: разведка сняла часовых и прошла вглубь города, «убирая» патрули. Рославль – город небольшой. Дома выше двух этажей в нем редкость. Разведчики проехали по улицам, останавливаясь у домов, охраняемых часовыми. Таким образом, выявили всех старших офицеров немецкого гарнизона. Случайно наскочили на бургомистра города. Он сдал адреса полицаяв. Всех вражин взяли без потерь. Фашистскую комендатуру закидали гранатами.

Рославль – крупная узловая станция. Ее охрану удалось уничтожить при минимальных потерях с нашей стороны. Разлили бензин вдоль вагонов с техникой и боеприпасами, подожгли его, и станция запылала. В Рославле нами было уничтожено около ста вагонов с боеприпасами, примерно столько же цистерн с топливом, больше ста вагонов с техникой и танками.

В городе мы задержались почти на три часа. Надо было, чтобы жители города увидели красноармейцев. Раздали людям центральную прессу («Правда» и «Известия»), а также нашу бригадную газету, где печаталась фронтовая сводка за каждый день боев.

К отряду прибились около пятидесяти красноармейцев и комсомольцев призывного возраста из Рославля. Большинство из них, порядка тридцати человек, я определил в отряд, который формировал бывший начштаба бригады Хомяков. Таким образом, под его командованием оказалось почти восемьдесят бойцов. Я оставил ему рацию и радиста. Партизанский отряд Хомякова остался воевать в «Темном лесу» между Смоленском и Рославлем, а бригада пошла на Брянск, Курск и Белгород.

Рейд начался 15 октября. Пошумев в Рославле, дальнейшие переходы мы совершали скрытно и тихо. К 20 октября бригада подошла к Воронежу. От него мы, уже не таясь, двинулись в сторону Москвы, уничтожая по дороге склады с боеприпасами и топливом, а также немецкие гарнизоны. В ста пятидесяти километрах от Воронежа разведка обнаружила аэродром, на котором базировались три десятка бомбардировщиков.

Захватив аэродром рано утром, мы обнаружили тридцать три самолета – тридцать два бомбардировщика и один большой транспортник, который только вчера прилетел из Берлина. Наша бригада подчинялась напрямую Ставке верховного главнокомандования. Я связался по радиации с Москвой и доложил о готовности бомбить линию фронта с немецкой стороны.

Эта операция была спланирована заранее. Двадцать пять летчиков нам сбросили на парашютах. Еще восемь сталинских соколов находились в бригаде. Мы отбили их у немцев после того, как их самолеты были сбиты над территорией, временно оккупированной фашистскими войсками.

Вылетели наши летчики на 33-х трофейных самолетах рано утром 24 октября. Удачно отбомбились и приземлились в Тушино. Транспортник доставил в Москву пятьдесят три пленных немецких офицера. Все по званию не ниже капитана. Тем временем бригада продолжала зачищать прифронтовую территорию, уничтожая склады и гарнизоны противника. Я не сомневался, что очень скоро фрицы зачешутся и постараются приготовить нам баньку.

Дошли почти до Калинина. Вышли к станции Власово. Там скопилось больше ста вагонов с топливом и боеприпасами, а также шестьдесят тяжелых танков. По станции прошлись огненным смерчем. Стали действовать шаблонно – подключали пожарные шланги к цистернам и заливали огнеопасной жидкостью вагоны с боеприпасами и танками, а затем поджигали. Даже мины не нужны, и без них эффект поразительный. Врагу не остается ничего, одна спичка – и все уничтожено.

К этому времени списочный состав бригады составил почти тысячу двести бойцов, в том числе шесть сотен кавалерии. У нас на вооружении состояли 70 различных артиллерийских орудий, девять легких танков, шесть броневиков и тридцать немецких бронемашин.

У Калинина пришло время разделить бригаду на три части. Два отряда направились в рейды вдоль фронта по правую и левую от Калинина стороны. Третий отряд повел сам в сторону Брянска и Смоленска. Мы уничтожали гарнизоны, железнодорожные узлы, склады с топливом и боеприпасами, отыскивали немецкие аэродромы и перегоняли на Советскую территорию захваченные немецкие самолеты. Если это были бомбардировщики, то бомбили немецкие позиции.

За время рейда нам удалось перегнать на нашу сторону шестьдесят бомбардировщиков и десять транспортных самолетов. Двадцать восемь немецких истребителей мы уничтожили на земле. Было сожжено семьдесят шесть средних и тяжелых немецких танков, больше двухсот автомашин и другой техники. Бригада вывела из строя около трех тысяч немецких солдат. Рейд закончился 15 февраля, а 20 февраля меня вызвали в Государственный комитет обороны.

Часть 4

Я разыскал Алесю. Мы не виделись с ней с ноября 1941 года. Я предполагал взять ее с собой в Москву. Все это время она воевала в составе нашего кавалерийского отряда. Когда Алеся зашла в мой штабной вагончик, я бросился ей навстречу. Но она встретила меня довольно прохладно. Я начал понимать, что наш отношения разрушились. Решил поговорить с ней начистоту. Обняв Алесю за плечи, я посмотрел ей в глаза.

– У тебя кто-то есть?

Она потупила глаза, помолчала минут пять и рассказала, что полюбила другого. Теперь они хотят пожениться.

– Что ж. Если у вас есть чувства друг к другу, я только рад. Вернусь из Москвы, и если будет хорошо, сыграем свадьбу.

Девушка как-то сразу воспряла духом. Видимо, она думала, что я буду удерживать ее силой. Но я решил, раз она полюбила, то это к лучшему. Ведь я, по большому счету, кроме легкого влечения никаких чувств к ней не испытывал. Теперь главное, чтобы у нее с ее избранником все было серьезно.

Я стал готовиться к отъезду. Механики подготовили и заправили самолет. Со мной полетели Жора и Тихонович. Еще поздней осенью, когда стукнули морозы, но снега еще не было, наши разведчики нашли брошенный на болоте самолет И-16. Было похоже, что летчик повел истребитель на вынужденную посадку. Тихонович разобрал самолет на запасные части. Вооружение с него – две пушки калибром 20 мм и два пулемета – он установил на мой итальянский транспортник. Теперь он был оснащен четырьмя пулеметами и двумя авиационными пушками. Так как мой самолетик не обладает высокой скоростью, ему необходимо хорошее вооружение. Наши красноармейцы взяли в плен тринадцать немецких офицеров: семь офицеров СС и шесть офицеров Люфтваффе. Их тоже предполагалось переправить в Москву. 20 февраля 1942 года в 18.00 мы вылетели в столицу. Через пять часов мой самолет благополучно приземлился на аэродроме в Тушино.

Первой, кого я увидел на летном поле, выйдя из кабины самолета, была Капитолина. Моему удивлению не было предела. Она была в форме старшего лейтенанта медицинской службы. Я подошел к ней, и мы обнялись. Все это время мы общались только по письмам. Она знала, что я командую отдельной бригадой, а из разговоров в штабе полка узнала, что на днях прилетает из немецкого тыла командир бригады. Она догадалась, что это я, поэтому и пришла меня встречать.

Я спросил у нее прямо, свободно ли ее сердце для серьезных отношений. И Капитолина ответила согласием. Мне хотелось сразу пойти к ее командиру и поговорить о переводе Капитолины ко мне в бригаду, но меня уже ждал капитан госбезопасности, и я решил отложить это на более подходящее время. В машине, куда мы с капитаном сели, у меня откуда-то появилось какое-то смутное беспокойство. Я попытался поговорить со своим сопровождающим, но он молчал как камень. Не сказал даже, куда мы едем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.